

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ РАБОТЫ ПО ДАЛТОН-ПЛАНУ
Лабораторный метод в применении к истории классов борьбы
под редакцией К. В. СИВКОВА

М. М. АЙЗЕНШТАТ

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г. ВО ФРАНЦИИ **История Франции 1-ой половины XIX века**

Л.: ИЗДАТЕЛЬСТВО «БРОКГАУЗ-ЕФРОН». 1927

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru) и [Век Просвещения](http://www.vive-liberta.narod.ru),
2010. Дореформенная орфография сохранена.

Тематические ссылки:

Луи Эритье. История французской революции 1848 г. и Второй республики
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>

Революция 1848 года: сборник статей, писем и стихов
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_1.pdf

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА ВО ФРАНЦИИ (февраль—июнь)
в воспоминаниях участников и современников
Серия «ИНОСТРАННЫЕ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ»
Подбор, перевод, статья и комментарии Е.Смирнова
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

А.Молок. Июньские дни 1848 года в Париже
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_4.pdf

Ш.Шмидт. Июньские дни 1848
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_6.pdf

Ф.Потемкин. Июльская монархия во Франции (1830—1848 гг.)
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_5.pdf

С.Сказкин, «Сорок восьмой год во Франции (февраль-июнь)
http://narod.ru/disk/21894969000/1848_3.pdf.html

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА: сб. статей
Е. Степанова. Маркс и Энгельс в первые месяцы революции 1848-49 годов
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-1.pdf

А.Нарочницкий. Международные отношения от Февральской революции до лета 1848 г.
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-2.pdf

Р.Авербух. Рабочее движение в Вене в августе 1848 года
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-3.pdf

Л.Бендрикова. Экономический кризис рабочее движение накануне Февральской революции во Франции
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-4.pdf

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина XIX в.
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В.Волгин. Французский утопический коммунизм
http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В.Волгин. Этьен Кабе
http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Теодор Дезами. Кодекс общности
http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона (лекции Базара, Анфантена, Родрига)
<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть
<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Г.Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

Ю.Кучинский. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 гг. Глава II. Ранний период французского промышленного капитализма (1789—1848 гг.)
http://enlightment2005.narod.ru/arc/labor_kucz2.pdf

Дж.Рюде. Народные низы в истории: 1730-1848
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>

А.Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в перв. пол. XIX века. В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология»
http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf

П.Фроман. Рабочее восстание в Лионе
http://narod.ru/disk/11658254000/lyon_from.pdf.html

Хронологическая таблица по курсу "История международного рабочего и национально-освободительного движения"

http://vive-liberta.narod.ru/doc/tabl_ilm.pdf

Поль Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

Ю. Данилин. Французская политическая поэзия XIX в.

http://narod.ru/disk/8689964000/dan_poet1.pdf.html

С. Великовский. Поэты французских революция 1789-1848 гг.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/poets_velikovski.pdf

Л. Блан. Глава IX (Философия) из книги «История французской революции»

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lblanc_rob.pdf

М. Домманже. Бланки

http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommanje.pdf.html

М. Федорова. Классический французский либерализм

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81716006.htm>

Либерализм Запада. Глава 3. Трудные судьбы французского либерализма

<http://narod.ru/disk/4366351000/librl3.doc.html>

М. Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.

Глава 4. Политические взгляды и историческая теория А. Токвиля:

«Воспоминания». Токвиль о причинах революции 1848 г. во Франции.

Февральская революция в освещении Токвиля. Токвиль о борьбе с революцией.

Монархия или республика?

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hist_alptv.pdf

Д. Ливен. Аристократия в Европе. 1815-1914 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p69874420.htm>

О. Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: первая половина XIX века

Глава 3. Июльская буржуазная революция 1830 года в восприятии и оценках русской общественности

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic3.pdf>

Глава 4. Отражение в освободительном движении России идейно-политической жизни Франции периода июльской монархии

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic4.pdf>

Глава 5. Французская революция 1848 года и освободительное движение в России

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic5.pdf>

Р. Авербух. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.

http://enlightment2005.narod.ru/arc/hung_aver1-3.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hung_aver4-6.pdf

И. Майский. Испания 1808-1917: исторический очерк

Первая карлистская война и третья революция (1833—1843)

Диктатура генерала Нарваеса (1843—1854)

Экономика Испании в середине XIX века

http://enlightment2005.narod.ru/arc/espagna_mai2.pdf

История Ирландии

Глава VII. Ирландия в первой половине XIX в. (1801—1848 гг.)

Глава VIII. Аграрный переворот. Движение фениев

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/irin-all.pdf>

И. Полуяхтова. История итальянской литературы XIX в. Эпоха

Рисорджименто

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия книжек под общим заглавием: «Рабочая библиотека по Далтон-плану» обязана своим происхождением тем затруднениям, с которыми встретилась группа преподавателей Рабфака имени Бухарина в Москве при подборе литературы, пригодной для слушателей Рабфака в проработке курса истории классовой борьбы. Оказалось, что нет никаких книг, которые коротко и просто излагали бы исторический материал в наиболее важных темах курса.

Правда, в последнее время выходит много различных хрестоматий по истории классовой борьбы в России и в Западной Европе. Кроме статистического материала и документов эпохи, они содержат по большей части выдержки из работ Покровского, Рожкова, Туган-Барановского, Маркса, Энгельса, Ленина и др., — выдержки интересные и содержательные, но написанные подчас недоступным для малоподготовленного читателя языком и несвязанные одна с другою общей нитью. А между тем, всякое непонятное слово, не совсем оправданный переход мысли представляет для такого читателя огромные трудности. Кроме того, эти книги неудобны своими размерами, давая материал на нескольких сотнях страниц, а иногда и не в одном томе, в то время как важно выбрать немного, наиболее существенное, чтобы не перегружать читателя. Выбор соответственного материала из этих книг весьма труден. Приходится выбирать несколько отрывков, выбрасывая остальное, как балласт, хотя бы там и был вкраплен ценный материал.

Наши книжки идут другим путем. Мы в основу кладем цельную, самостоятельную статью, по возможности избегая слов и выражений, которые могли бы составить препятствие в работе, или же объясняя такие слова. В статью вкраплены в небольшом количестве материалы, статистические данные, выборки из современников, которые должны давать более отчетливое представление о тех моментах, которые затронуты в статье. Книжка рассчитана на читателя, ищущего серьезного содержания, но в незамысловатой форме.

ОТ АВТОРА

Излагая историю революции 1848 г. во Франции, мы начали свое изложение с 1815 г., полагая, что иначе связь событий была бы неясна. Особенное внимание мы обращали на изложение экономической истории и потому Июльская монархия занимает почти половину книги.

Мы считали необходимым вкратце коснуться французского утопического социализма, хотя и сознаем, что усвоение его по столь краткому материалу представляет большие трудности.

Материал взят нами из произведений Маркса, Энгельса, Токвиля, Герцена, Ленина.

Особенно много материалов взято нами из произведений трех современников 1848 г., наблюдавших события вблизи: Токвиля, тонко разбирающего в классовых противоречиях и учитывающего их в пользу буржуазии, Герцена, которого впечатления от французской революции 1848 г. оттолкнули от европейской культуры и привели к народническому социализму, и Маркса, который разбирает французские события 1848 г. с точки зрения их классового содержания и интересов пролетариата.

Преобладающее место занимают выдержки из работ Маркса «Борьба классов во Франции 1848 году» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Излагая какое-нибудь явление, мы затем даем выдержку из Маркса, описывающего то же явление в более сжатой и трудной форме: это, во-первых, знакомит читателей с подлинным текстом Маркса, во-вторых, приучает читателя к более трудному тексту, и в-третьих, дает полезное повторение материала.

Май 1926 г.

Вопросы

I. Реставрация и Июльская монархия.

1. Какие причины привели к восстановлению во Франции в 1815 г. королевской власти?
2. Какие классы господствовали во время Реставрации и как было организовано управление страной?
3. Кем была произведена революция в 1830 г. и кто завладел властью?
4. Почему во Франции после Июльской революции не была установлена республика?
5. Каким классам принадлежала власть во время Июльской монархии и как они использовали свою близость к правительству?
6. Какова была таможенная политика Июльской монархии и как она отражалась на развитии французской промышленности?
7. Из чего можно заключить о росте торговли и промышленности во Франции в 1815—1848 г.г.?
8. Каков был по своему составу рабочий класс Франции этого периода?
9. В каком положении находилось сельское хозяйство и крестьянство перед 1848 годом?

10. В чем состоят главные идеи французских социалистов 30-х—40-х годов и почему их называют утопистами?

11. Каково было в это время положение промышленной и мелкой буржуазии и почему эти группы находились в оппозиции?

II. Февральская революция.

1. Как произошла февральская революция и почему она привела к республике?
2. Как составилось Временное Правительство и чьи интересы оно представляло?
3. Что было сделано для рабочего класса в феврале и марте 1848 г.?
4. Почему социалистические попытки рабочего класса были обречены на неудачу?
5. Какие меры принимало Временное Правительство в отношении крестьян и как крестьяне относились к революции?
6. Кого послала Франция в Учредительное Собрание?
7. Как относились парижские народные массы к Учредительному Собранию и чего они добивались 15 мая?
8. Какие причины вызвали июньское восстание?
9. Какие выводы из июньского восстания делают Маркс и Токвиль?
10. К кому переходит власть после июня и какие меры принимает новое правительство?
11. Какую конституцию выработало Учредительное Собрание?
12. Кто избрал президентом Луи-Наполеона?
13. Какие уроки вынес рабочий класс из революции 1848 г. во Франции (Самостоятельные выводы на основании всего проработанного материала).

I. Реставрация и Июльская революция

После Великой Революции и Империи Наполеона (1789—1815) во Франции была восстановлена королевская власть: правители России, Англии, Австрии и Пруссии, после того как одержали победу над Наполеоновским войском, потребовали отречения Наполеона и, при безучастии народных масс, уставших от длительных войн, посадили на престол брата казненного в 1793 году короля Людовика XVI, Людовика XVIII Бурбона, который провел в изгнании целых двадцать два года. Время царствования Людовика XVIII, а затем его брата Карла X называют эпохой (временем) Реставрации (восстановления), и она продолжалась с 1815 по 1830 год.

Вместе с Бурбонами возвратились во Францию бежавшие во время Революции дворяне-помещики и католические священники; им очень хотелось вернуть все классы в то состояние, в котором они были до Революции, и короли им в этом всячески помогали, но это оказалось невозможным. Как известно, во время Революции земли католической церкви — а они составляли около одной пятой части всех земель Франции, и земли тех из помещиков, которые бежали от Революции за

границу (эмигрантов), были взяты в казну, объявлены «национальными» имуществами и для пополнения казны распроданы желающим. Очень много этих земель, но мелкими участками, было куплено крестьянами: общее число крестьян-собственников после Великой Революции дошло до 2,5 миллионов человек.

Земли, лежавшие близ городов, охотно раскупались горожанами – представителями буржуазии; в общем, одна третья часть всех земель Франции за время Революции переменяла своих владельцев. Хотя при новой власти католические священники грозили этим приобретателям национальных имуществ адскими мучениями и часто отказывали им в причастии, но тронуть этих новых владельцев правительство Реставрации не решилось. Своих приверженцев – дворян оно вознаградило, отдав им остатки нераспроданных национальных имуществ и, кроме того, выдал им из государственных средств один миллиард франков золотом (больше 300.000.000 рублей довоенных), как возмещение за понесенные во время Революции убытки. Таким образом, национальные имущества остались в руках новых хозяев. Сохранило силу и другое достижение Революции – равенство всех граждан перед законом: за преступление и богатый и бедный, и знатный и простолюдин судились одним и тем же судом по одним и тем же законам. В гражданских отношениях, например, при покупке земли или другого товара или при получении наследства, одни и те же законы действовали для всех граждан.

В смысле управления страной, новые короли не решили полностью восстановить прежний порядок, при котором король управлял совершенно бесконтрольно. Королевской Хартией (грамотой) были подтверждены свобода личности, слова, печати и был декретирован парламент, но выбирать в него могли только те, кто был не моложе тридцати лет отроду и кто платил в год не меньше 300 франков (около 100 рублей довоенных) налогов: из девяти миллионов взрослого мужского населения Франции, которые во время Революции при всеобщем избирательном праве были избирателями, при Реставрации могли быть избирателями не больше 100.000 человек. Депутатами в этом парламенте могли быть лица не моложе сорока лет и платившие больше 1.000 франков прямых налогов (больше 300 довоенных рублей). Таких на всю Францию в 1820 году насчитывалось всего 18.561 человек. В некоторых департаментах (один из 83 округов Франции, в роде наших губерний) было всего два-три человека, которых можно было выбирать. Население Франции и, особенно, наиболее активная и экономически сильная его часть – буржуазия – относилось к восстановлению Бурбонов, в лучшем случае, равнодушно: все хотели порядка и спокойствия, но стремление королевской власти вернуть прежние привилегии дворянам и католической церкви не нравились никому.

Когда в 1830 году в парламент были избраны негодные королю Карлу X представители буржуазии, короле своей властью распустил вновь избранный парламент и издал закон, по которому избирательное право изменялось в пользу помещиков. Опрокинув конституцию, королевское правительство вместе с тем не приняло никаких мер для своей защиты.

Хотя запрещен был выпуск газет, но орган буржуазии «Националь» вышел самочинно и обратился к населению с призывом не платить налогов; другие газеты призывали к сопротивлению, так как правительство нарушило им же подписанную Хартию. В то же время в городе начались волнения, даже многие фабриканты распустили своих рабочих и вооружили их. Еще вечером, 27-го июля, республиканцы, которые во время Реставрации организовывались в тайные общества, начали созывать сборища и советовали разбивать фонари, вынимать булыжники из мостовой и строить баррикады. После двухдневных уличных боев, в которых против правительства Карла X сражались республиканцы – студенты и рабочие, на здании городской ратуши (думы) было поднято трехцветное знамя, которое напоминало населению Парижа о Великой Революции и означало войну Бурбонам и контр-революции – эмигрантам и священникам. 29-го июля, когда отряд молодых республиканцев взял королевский дворец, народные представители только что распущенного парламента признали совершившуюся революцию. На собрании у банкира Лафитта была организована комиссия из пяти человек для управления Парижем и была восстановлена национальная гвардия, уничтоженная в царствование Карла X. Национальная гвардия, созданная во время Великой Революции – это ополчение из всех граждан, платящих налоги, которые могут на свой счет обмундироваться и купить оружие. Начальником национальной гвардии был назначен старик Лафайэт – ветеран Великой Революции, который на попытку Карла X вести переговоры ответил: «Никакое соглашение невозможно – королевская династия перестала царствовать!»

В эти дни безвластия, представителям буржуазии первым удалось организовать и воспользоваться победой рабочих и республиканской интеллигенции в своих интересах. «Нам нужна республика в форме монархии», писала буржуазная газета «Националь». Буржуазная группа, с Тьером во главе, выдвинула на престол двоюродного брата павших Бурбонов – Луи-Филиппа Орлеанского. Только что свергнутое правительство Бурбонов было ненавистно буржуазии и не имело никаких корней в народе: буржуазии нужна была такая власть, которая защищала бы ее, с одной стороны, от республики, а с другой – от старого порядка. Такую власть она думала найти в своем ставленнике – Луи-Филиппе. Республиканцы были слишком слабы, чтобы этому помешать. Рабочим воцарение герцога Орлеанского вместо прогнанного, бежавшего в Англию Карла X не нравилось: когда на баррикадах распространился слух об этом, раздались крики: «Если так, надо начинать бой сызнова!» Победителем оказалась буржуазия: недаром банкир Лафитт, сопровождая в ратушу своего ставленника, герцога Орлеанского, сказал: «Отныне будут властвовать банкиры!»

После Июльской революции (27–30 июля 1830 г.) наступило время Июльской монархии, продолжавшееся 18 лет, до февраля 1848 года.

Народная масса Парижа – рабочие, ремесленники, революционная интеллигенция, сражавшиеся на баррикадах, не получили ни республики, ни даже всеобщего избирательного права. Вся власть осталась в руках

имущих, при чем был только несколько расширен круг их; избирателем могло быть теперь лицо, платящее налог в размере 200 франков, а не 300 франков, как это было при Реставрации; избирателей на всю Францию насчитывалось всего 240.000 человек. Была восстановлена национальная гвардия, в нее входили только плательщики налогов, т.-е. имущие.

II. Июльская монархия.

а) Торговля и промышленность

Фактически господствовавшие во время Реставрации классы — крупные землевладельцы и крупные промышленники — владельцы угольных копей и рудников, часто не сходились по вопросу о том, как управлять страной, но в одном они были согласны между собой: и те, и другие стремились использовать национальный рынок в своих интересах возможно полнее и не допускать во Францию иностранных товаров. Землевладельцы старались поднять доходы с своих имений и поэтому заботились о том, чтобы во Францию не проникал дешевый привозной хлеб; высокие пошлины на хлеб защищали французский хлеб от иностранной конкуренции и давали возможность помещикам продавать свой хлеб по дорогой цене; промышленники, хотя и были заинтересованы в получении дешевого сырья (хлопка, шерсти, чугуна, стали), машин, топлива и хлеба, но вместе с помещиками отстаивали высокие пошлины на все продукты, чтобы поставлять свои товары французскому потребителю по дорогой цене. Такая политика была очень невыгодна потребителю, но так как власть в то время находилась как раз в руках крупных помещиков и крупных промышленников, высокие пошлины оставались нетронутыми как при Реставрации, так и при Июльской монархии, которая еще укрепила преобладание крупной буржуазии.

Господствующие классы Июльской монархии

При Луи-Филиппе господствовала не французская буржуазия, а одна ее фракция, так называемая финансовая аристократия: банкиры, биржевые короли, железнодорожные короли, владельцы угольных копей, железных рудников и лесов и часть объединившегося с ними землевладения. Она сидела на троне, она диктовала законы в палатах, она раздавала государственные должности, начиная с мест в министерствах и кончая местами в табачных бюро.

Маркс. Борьба классов во Франции 1848—1850 гг.
Издательство: «Красная Новь». 1923 г. Стр.19—20.

Эти группы уже фактически занимали господствующее положение при Реставрации, а после Июльской революции они овладели и политической властью, вот почему экономическая политика Июльской монархии мало чем отличалась от экономической политики Реставрации. В 1836 г, один депутат говорил в палате: «Никакое общество не может существовать без аристократии. Хотите знать, кто составляет

аристократию Июльской монархии? Это — крупные промышленники; они — основа новой династии. Меры, направленные против них, были бы явным безумием, — это значило бы поразить Июльскую монархию в самое сердце».

Высокие таможенные пошлины продолжали оставаться в силе во все время Июльской монархии.

Но высокие пошлины на железо и уголь мешали развитию промышленности и тормозили начинавшуюся в это время постройку железных дорог, а высокие цены на хлеб, благодаря запрещению ввоза иностранного хлеба, поднимали цену на рабочие руки. В 1834 г. один текстильный фабрикант из Реймса указывал на то, что французский уголь, на котором они принуждены работать, обходится в 5 фр. 20 сантимов гектолитр (100 литров), тогда как их английские конкуренты платят за уголь по 55 сантимов за гектолитр, т.-е. в десять раз дешевле. 100 кило полосового железа стоят в Париже 30 франков, а в Англии — всего 15 франков, но высокие пошлины закрывают английскому железу доступ во Францию. Таким образом, дороговизна основных материалов, потребных для развития промышленности—железа и угля, задерживает рост ее во Франции.

Но несмотря на эти неблагоприятные условия, связанные с господством одной определенной группы буржуазии — помещиков и представителей тяжелой индустрии — капитализм и связанное с ним крупное производство начинает усиленно развиваться во Франции в период 1815—1848 г.

При рассмотрении экономического положения Франции за это время необходимо, в первую очередь, проследить рост ее населения и распределение его между городом и деревней.

Население Франции

Г О Д Ы.	Количество населения.
1826	31.851.545
1831	32.569.223
1836	33.540.910
1841	34.230.178
1846	35.401.500

(В 1846 г. плотность населения на один квадратный километр составляла 65 чел.)

Прирост населения на каждую 1000 человек составлял в 1830 г. - 30 чел., в 1846 г. - 27,3 чел.

Городское население составляло в 1830 г. 15%, в 1846 г. - 25%. Городов было много, но они сравнительно незначительны - имелось всего четыре города с населением превышающим 100.000 ч. в каждом.

Рост населения Парижа.

Г О Д Ы.	Число жителей.
1831	785.000
1836	900.000
1846	1.053.000

Марсель, Лион, Бордо и Руан имели свыше 100.000 ч. населения каждый; кроме того, имелось еще 3 города с населением от 75 до 100 тысяч в каждом, остальные города незначительны. В общем, в эти годы городское население начинало расти за счет сельского.

Культурный уровень населения был еще довольно низок. Из 25.000 подростков около 15.000 неграмотных. Число лиц, выписывающих газеты, с 60.000 ч. в 1825 г. поднялось до 200.000 ч. в 1847 г.

Развитие крупного производства неуклонно растет за время с 1815 по 1848 г. В то время как в Англии уже со второй половины XVIII в. широко применяются пар и машины, — так, в 1826 г. там было в ходу 15.000 паровых машин, мощностью в 375.000 лошадиных сил, — во Франции в годы Реставрации развитие машинного производства еще только начинается.

Применение паровых машин во Франции 1815—1847 г.г.

Г О Д Ы.	Число паровых двигателей.	Мощность лошадиных сил.
До 1815	15	—
1820	65	—
1832	525	9.000
1841	2.507	37.500
1847	1.853	62.000

Рост добычи каменного угля

Г О Д Ы.	Тонны.
1814	1 000.000
1829	1.500.000
1841	3.400.000
1847	5.153.000

Но хотя добыча каменного угля возрастает, она не может удовлетворить нужды растущей промышленности, а иностранный уголь обложен высокими пошлинами потому недоступен.

Рост выплавки чугуна

Г О Д Ы.	Тонны.
1818	114.000
1825	197.000
1829	220.000
1841	375.000
1847	592.000

Около 1840 г. чугун выплавляется в 500 доменных печах, из которых около 400 работают на минеральном топливе.

В текстильном производстве, благодаря дороговизне сырья, топлива и машин, крупное производство с трудом прокладывает себе путь, но все же ко времени 1848 года Франция уже вырабатывает те тонкие сорта пряжи, которые до 1835 г. умела вырабатывать одна Англия.

В некоторых производствах, например, в стеклянном, в целях экономии появляется стремление укрупнить производство и объединить в одно целое несколько мелких производств.

Появляется ряд новых производств: в Эльзасе, в Мюльгаузене, зарождается французское машиностроение — в 1841 г. был изобретен паровой молот, а на промышленной выставке 1844 г. появляется впервые машина-орудие, служащая для изготовления машин.

Тот же Мюльгаузен является родиной производства печатных обоев.

Изобретение механического печатного станка и механического производства бумаги сильно увеличивает количество печатных листов во Франции.

Химия поступает на службу промышленности и порождает новые ее отрасли; так, в 1827 году появляются стеариновые свечи, которые заменяют сальные и восковые свечи. К этому же времени относится появление цемента и светильного газа.

Изобретение фотографии ведет к развитию целого ряда новых отраслей промышленности. Промышленные выставки 1834, 1839 и 1844 годов свидетельствуют о широком развитии французской промышленности.

Вместе с ростом промышленности растет и торговля как внутренняя, так и внешняя.

Г О Д Ы.	З в о з.	В ы в о з.
1830	489.000.000 фр.	573.000.000 фр.
1836	564.000.000 „	629.000.000 „
1837—1846	776 000.000 „	713 000.000 „
	ежегодно в среднем	ежегодно в среднем

Общая сумма ввоза и вывоза

Годы.	Франция.	Годы.	Англия.
1830 .	989.000.000 фр.	1837 .	2.112.000.000 фр.
1847 .	1.483.000.000 „	1840 .	4.597.000 000 „

Франция ввозит, главным образом, хлопок, сахар, шелк-сырец и шерсть, при чем она получает эти товары из Америки, Бельгии, Англии и других стран, а вывозит шелковые, хлопчато-бумажные и шерстяные ткани, полотно, вина и водки и др., при чем поставляет свои товары преимущественно в Англию, Голландию, Испанию и Германию.

Транспорт — один из главных рычагов капиталистического развития, находится во Франции 20-х годов еще на низкой ступени развития: и людей, и почту, и товары перевозят на лошадях, при чем путь от Парижа до Лиона требует четырех дней, тогда как в настоящее время это расстояние поезд проходит в 6 часов.

Прорытие каналов, соединяющих реки, и улучшение речного сообщения подвигается медленно.

Что касается постройки железных дорог, то она как раз начинается в этот период.

Родиной железных дорог является Англия в 1825 г. между Манчестером и Ливерпулем была открыта первая в мире железная дорога.

Во Франции уже в двадцатых годах прокладываются рельсовые пути для перевозки угля к фабрикам, но рельсы ломкие, строители еще не умеют выровнять путь, в гору поезд тянут лошади, под гору вагоны движутся на тормозе силой собственной тяжести и только по ровному пути их везет локомотив. В 20-х годах никому во Франции еще не приходит в голову использовать железные дороги для перевозки пассажиров.

В 1836 г. во Франции было всего 270 километров железных дорог. Члены парламента и министры с большим недоверием относились к их постройке «Перевозка по железной дороге изнежит наших солдат», говорил один деятель того времени; другие боялись, что туннели вызовут у пассажиров воспаление легких, заболевания гортани и другие болезни; кроме того, против постройки железных дорог выдвигали то возражение, что это уменьшило бы расходы по перевозке через Францию иностранных товаров и торговля наших соседей оставит на дорогах Франции одним миллионом франков меньше. В палате докладчик, который отстаивал план постройки целой сети железных дорог, все-таки признавал «что железные дороги не более, как роскошь нашего культурного века, тогда как каналы и реки действительно необходимы в качестве путей сообщения».

Рост железнодорожной сети

Г О Д Ы.	Англия.	Франция.
1842	2.521 км.	1.322 .
1848	6.319 „	1.322 .

Постройка железных дорог во Франции тормозилась отсутствием капиталов и дороговизной железа, благодаря высоким ввозным пошлинам на иностранное железо; из желания сохранить монополию за железными королями Франции, приходилось платить за тонну железа 220 франков вместо 75 фр. и, следовательно, на постройку железных дорог требовался тройной капитал, а это, должно было в будущем удорожить перевозку по железным дорогам грузов и пассажиров. Частные капиталисты не могли справиться с постройкой железнодорожной сети, и государству постоянно приходилось их выручать.

На ряду с постройкой железных дорог идет постройка судов с паровыми двигателями.

Постройка пароходов во Франции

Г О Д Ы.	Построено пароходов.	С двигателями мощностью лош. сил.
1833	75	2.635
1845	227	16.856

С 1845 г. начинается прокладка линий электрического телеграфа.

Железнодорожное строительство Июльской монархии

Господствующий класс эксплуатировал и постройку железных дорог. Палаты сваливали главные расходы на государство, а спекулирующей финансовой аристократии обеспечивали золотые плоды. Достаточно вспомнить скандалы, которые разыгрывались в палате депутатов, когда случайно обнаруживалось, что все члены парламентского большинства, включая и часть министров, участвуют в качестве акционеров в постройке тех самых железных дорог, которые они, в качестве законодателей, заставляли затем выполнять за счет государства.

Маркс. Борьба классов во Франции в 1848-1850 г.г. Стр.22.

В связи с развитием промышленности, развиваются банковские и кредитные операции, развивается игра на бирже и биржевая спекуляция. Особенно беззащитно использовала финансовая аристократия — банкиры — свою близость к государственной власти.

Государственные финансы и спекуляция во время Июльской монархии

Благодаря финансовой нужде Июльская монархия с самого начала попала в зависимость от высшей буржуазии, а эта зависимость от высшей буржуазии, в свою очередь, сделалась неиссякаемым источником прогрессирующей финансовой нужды. Не установив бюджетного равновесия, равновесия между государственными расходами и доходами, невозможно подчинить управление государством интересам национального производства. Но как установить это равновесие, не сокращая государственных расходов, т.-е. не нарушая таких интересов, на которые опиралась господствующая система, и не прибегая к новому распределению налогов, т.-е. к перемещению значительной части податного бремени на плечи самой крупной буржуазии?

Напротив, фракция буржуазии, правящая и законодательствующая через палаты, была прямо заинтересована в увеличении задолженности. Государственный дефицит как раз был особенным предметом ее спекуляции и главным источником ее обогащения. По истечении каждого года новый дефицит. По истечении каждых 4—5 лет — новый заем. А каждый новый заем

давал финансовой аристократии новый случай ограбить государство, которое все время искусственно поддерживалось на пороге банкротства: ему приходилось заключать сделки с банкирами при самых неблагоприятных условиях. Каждый новый заем представлял новый случай ограбить публику, вкладывающую свои капиталы в государственные бумаги; средством для грабежа служили биржевые операции, в тайны которых посвящены правительство и парламентское большинство. Неустойчивость государственного кредита и знание государственных тайн вообще давали возможность банкирам и их сообщникам в палатах и на троне вызывать из ряда вон выходящие внезапные колебания курса государственных бумаг; постоянным результатом оказывалось разорение массы мелких капиталистов и сказочно быстрое обогащение крупных биржевых игроков. То обстоятельство, что государственный дефицит был выгоден господствующей фракции буржуазии, объясняет, почему чрезвычайные расходы последних лет царствования Луи-Филиппа более чем удвоились по сравнению с чрезвычайными государственными расходами при Наполеоне, и достигли суммы почти в 400 миллионов франков, между тем, как общий годовой вывоз Франции в среднем редко достигал высоты в 750 мил. франков. Огромные суммы, попадавшие таким образом в распоряжение государства, позволяли, кроме того, заключать мошеннические договоры с поставщиками, облегчали подкупы, растраты, словом, всякие виды мошенничества. Оптовое государственное надувательство, происходившее при заключении займов, потом растворялось по мелочам во всей государственной деятельности.

Маркс. Борьба классов во Франции в 1848—1850 гг. Стр.21—22.

Мы видели, что хотя в 30-ые и 40-ые годы во Франции развивается капитализм и крупная промышленность, в особенности в области тяжелой индустрии, но в основе своей, Франция этого времени все еще является страной, преимущественно, ремесленников и крестьян. Из общего числа рабочих, если понимать под этим всех работающих своим личным трудом, только 2.500.000 чел. работают на «мануфактуре», т.-е. в крупном производстве, а 3.800.000 ч. квалифицированных ремесленников работают у себя на дому за свой счет.

По данным 1840—45 годов во Франции насчитывается всего 133 предприятия с числом рабочих свыше 500 ч. на каждое, и 3.200 предприятий с числом рабочих от 50—500 чел. на каждое.

В Париже в 1850 г., при промышленном населении в 342.000 ч., из которых 204.000 взрослых мужчин, 113.000 женщин и 25.000 детей, насчитывается 65.000 хозяйчиков, из которых 32.500 работают или одни, или с одним рабочим, и всего 7.117 чел. нанимают больше десяти рабочих каждый. Таким образом, Париж середины XIX в. все еще является городом мелких ремесленных заведений. Рабочее население его состоит, преимущественно, из строительных рабочих или из рабочих, вырабатывающих ручным способом предметы одежды и роскоши.

Хлопчато-бумажное производство, сравнительно более сконцентрированное, занимает около 63.000 рабочих (из них 28.000 мужчин); оно сравнительно наиболее механизировано: в нем работают 478 водяных и 245 паровых двигателей.

Шерстяное производство занимает 100.000 рабочих, шелковое — 22.000 раб., обработкой льна и конопли занято 49.000 чел. В общем же, в текстильном производстве большинство работ ведется на дому, только прядение сосредоточено в мастерских; хозяйва в текстильном производстве скорее скупщики, чем промышленники.

Из готовых тканей предметы одежды изготавливаются, преимущественно, на дому швеями, портными, шляпницами, белошвейками и другими, непосредственно по заказу и из материала потребителя. К этому периоду относится изобретение швейной машины французом Тимонье (1840 г.).

Тяжелая индустрия сравнительно более сконцентрирована:

По добыче.	Заведений.	Занято рабочих.
Угля	486	23.000
Железа	486	22.000
Обработка.	480 (доменных печей)	29.000
Руда		
Чугун		

Но и в металлообрабатывающей промышленности занято 83.000 кустарей; они обслуживают производства: ювелирное, часовое, ножевое, жестяное и др.

В 4.000 солеварнях, расположенных, главным образом, на берегу моря, работает до 62.000 рабочих, преимущественно крестьян.

Производство строительных материалов продолжает оставаться мелким: так, например, производство кирпича и черепицы сосредоточено в 3.530 заведениях при 48.000 рабочих.

Лишь производство стекла, мыла, сахара и специально химических продуктов сосредоточено в крупных предприятиях.

Промышленность еще в значительной степени перерабатывает местное сырье, и поэтому шерстяное производство процветает там, где разводят овец (Фландрия), полотняное на западе Франции, где культивируют лен, хлопчатобумажное производство, сравнительно новое — сосредоточено близ гаваней, через которые ввозят американский хлопок, и в Эльзасе — провинции, граничащей с Германией, в которой вообще сильно развита промышленность.

Ремесленники, проживающие с семьей в городе или большом селе, находятся, по большей части, в личных сношениях со своими заказчиками, работают или в качестве хозяев за свой собственный счет, или временно — в качестве подмастерьев — в надежде устроиться со временем самостоятельно; ремесленники являются чем-то средним между крестьянином и предпринимателем. По образу жизни, питанию, развлечениям, интересам — жизнь их близко подходит к жизни мелких лавочников. Их жены одеваются по одной и той же моде, дети учатся в одной и той же школе, семьи их часто связываются браками; класс их пополняется частью по наследству, частью из подмастерьев.

Рабочие отличаются от ремесленников тем, что всю жизнь работают за заработную плату, без надежды стать самостоятельными предпринимателями, часто не имея постоянной оседлости, подолгу перекочевывая с места на место в поисках заработка и голодая во время безработицы. Между заработком парижского механика и деревенского ткача большая разница, но и тот и другой объединены в один общий класс тем, что и тот и другой работают за заработную плату и зависят от хозяина, который кладет себе в карман вырабатываемую ими прибавочную стоимость. Средняя заработная плата в Париже в 1848 г. 3 фр. 81 сайт, в день для взрослого мужчины, и 2 фр. 12 сант. для женщины, в провинции соответственно — 2 фр. 6 сант. и 1 фр. 7 сант., но есть места, где она фактически гораздо ниже.

Очень часты периоды безработицы, которые очень тяжелы, так как безработные ниоткуда не получают помощи.

Рабочий день очень длинен — например, 16—18 часов для ткачей на дому и 12—14 часов на фабрике.

Помещения как для работы, так и для проживания рабочих тесны и антисанитарны, часто рабочие спят тут же в мастерской, особенно вредно это для прядильщиков, ибо пряжу хорошо сохранять в сыром помещении, и рабочим приходится жить в сырости.

При машинах нет еще никаких предохранительных приспособлений, надзор за безопасностью отсутствует и очень часты несчастные случаи. В шахтах еще не умеют устраивать хорошую вентиляцию, в них часто бывают взрывы и обвалы, которые заживо погребают сотни рабочих. В общем, всех крупных предприятиях работа, по отзыву современников, чрезмерно опасна и вредна для здоровья.

Жилищные условия рабочих, как в больших городах, так и в маленьких местечках, ужасны — скученность, отсутствие санитарного надзора.

Ремесло и фабрика втянули в работу всю семью: дети не могут посещать школу, потому что должны стоять у станка; мать семейства все время на фабрике – дети и хозяйство заброшены; никакой охраны труда еще нет, – беременные женщины работают до последнего дня и через несколько дней после родов должны опять встать на работу. Население вырождается, становится болезненным и слабосильным смертность, особенно детская, увеличивается. Свобода в области труда существует только для предпринимателей: рабочим запрещено объединяться в союзы и устраивать стачки; за это рабочих сажают в тюрьму. Суд, разбирая споры между рабочими и хозяевами, по закону должен принимать на веру утверждения хозяина. Рабочие союзы отсутствуют, существуют только союзы ремесленников - подмастерьев и начинают образовываться кассы взаимопомощи среди рабочих.

Между рабочими и ремесленниками с одной стороны и крупной буржуазией – с другой находится мелкая буржуазия, особенно многочисленная вследствие того, что во Франции еще со времени средних веков было очень много городов.

Городское население Франции около 1848 г. в значительной степени состоит из людей, живущих мелкой торговлей или находящихся на службе у более состоятельных горожан. Эта мелкая буржуазия низшими своими слоями близко соприкасается с простым народом, а в высших слоях – приближается к средней буржуазии.

В городах и местечках эти мелкие торговцы держат лавочки, в которых они в розницу продают потребителю то, что сами купили у оптовика. Это бакалейщики, продающие сахар, масло, свечи, овощи и т.п.; галантерейные торговцы портновским прикладом, материями; часовщики, торговцы писчебумажными принадлежностями и т.п.; к ним можно причислить содержателей кофеен, трактиров и постоянных дворов, мясников, кондитеров и других, занятых изготовлением съестных припасов.

Занятие мелкой торговлей не требует ни особой выучки, ни образования, но лишь маленького капитала; ею часто занимаются бывшие слуги, сколотившие себе капиталец. Большое место в мелочной торговле занимают женщины.

Мелкие служащие, приказчики, мелкие чиновники по образу жизни и интересам ближе подходят к буржуазии.

В больших городах среди мелкой буржуазии много интеллигентов, часто революционного настроения.

Буржуазия, которая с 1830 г. является господствующим классом, должна обладать или образованием или капиталом. По языку, манерам, образу жизни, буржуазия представляет особый класс, который резко отмежевывается от других.

Промышленники в этот период еще являются полными владельцами своего предприятия и ведут его единолично.

Торговая буржуазия большею частью связана с перевозкой товаров; это поставщики и скупщики хлеба, вина и др. оптовики; судовладельцы составляют особую группу лиц, владеющих значительными

наследственными капиталами.

Большую роль начинают играть банкиры и биржевики.

б) Сельское хозяйство и крестьянство

Одной из особенностей сельского хозяйства во Франции первой половины XIX века является преобладание мелкого крестьянского хозяйства: помещики-землевладельцы почти не ведут своего хозяйства, они сдают землю в аренду крестьянам и предпочитают получаемые доходы проживать в городе. Все почти сельское хозяйство Франции находится в руках невежественных крестьян без капитала и усовершенствованных орудий. Из 20 с лишком миллионов крестьян насчитывается около 213 миллионов мелких собственников, остальные – арендаторы – за деньги или исполу, поденщики, батраки – вообще разного рода сельскохозяйственный пролетариат, которые работают в поле, служат кучерами, пастухами и т.п.

Крестьяне в то время живут еще в маленьких домишках, крытых соломой или черепицей, с маленькими окошечками и земляным полом; из глиняной посуды они едят деревянными ложками, питаются хлебом, притом в доброй половине Франции – ржаным, выпеченным дома из зерна, собранного с своего поля и смолотого на ближайшей мельнице, кашей, похлебкой с салом, картошкой и другими овощами, молочным скопом; мясо не покупают, а едят только свое» преимущественно свинину.

В сельском хозяйстве преобладает культура злаков, при чем во многих местах пшеница начинает вытеснять рожь. Обработка земли еще очень примитивная: господствует трехполье с обычным севооборотом – озимое, яровое и пар, при чем до 20 всей пахотной земли находится ежегодно под паром. Искусственного удобрения еще нет – скот, рабочий и молочный, держат также ради удобрения. За рассматриваемый период сильно возрастает культура картофеля: 1815 г. - 21 миллион гектолитров картофеля, 1840 г. - 36 млн.

Сельскохозяйственные машины отсутствуют, сеют рукой, хлеб косят или жнут серпом, молотят, преимущественно, цепами.

Крестьянин одновременно и землепашец и животновод, но, с ростом городского населения и развитием железных дорог, он начинает находить сбыт для мяса и молочных продуктов в городе, скот начинает приобретать большее значение в его хозяйстве.

Но в общем, в первой половине XIX в. сельское хозяйство работает почти только на ближайший рынок. Благодаря слабому развитию железно-дорожной сети, подвоз не всегда обеспечен, и цены очень разнятся в разных местностях. Люди спеша запастись всем необходимым для жизни: плохо урожай вызывает голод. Цены на хлеб низки в момент урожая, разнятся по областям и подвержены большим колебаниям, которые выгодны скупщикам хлеба и разорительны для крестьян.

В этот период земля для большинства населения служит единственным верным помещением капитала: землю покупает и буржуа, который не привык еще покупать акций железных дорог и

других предприятий, и которому земля дает вес в обществе и право быть избранным в парламент. Для крестьян покупка земли – главная цель в жизни, но конкуренция вздувает как покупную, так и арендную цену на землю, в то время как конкуренция между сельскохозяйственными рабочими держит цены на рабочие руки на низком уровне. Обуреваемые страстью к земле, французские крестьяне все свои сбережения вкладывают в покупку земли или на выкуп земли у сонаследников, чтобы избежать дробления земельных участков при разделе, и у них не остается капитала на поднятие своего хозяйства. Для покупки земли крестьянину приходится входить в долги, закладывать землю и дом и платить большие проценты ростовщикам. В 1848 г. на сельскохозяйственном съезде слышатся жалобы на то, что долги задавили крестьянина.

Выясните, как смотрел на это Маркс.

Задолженность французского крестьянства

Сельское население, свыше двух третей всего населения Франции, состоит большей частью из так называемых свободных землевладельцев. Чем больше, с одной стороны, возрастало население, чем больше, с другой стороны, дробились земельные участки, тем дороже становилась цена участка потому что вместе с их раздроблением возрастал и размер спроса на них. Но в том же отношении в каком повышалась цена, уплачиваемая крестьянином за участок... в том же отношении росла задолженность крестьянина - ипотека. Долговое обязательство, лежащее на земле, залоговая расписка на землю, именно, и есть ипотека...

В той мере, в какой дробится земля, уменьшается ее плодородие... Чем больше растет раздробление, чем решительнее участок земли вместе с наиплачевейшим инвентарем начинает представлять весь капитал карликового крестьянина, тем решительнее отпадает применение капитала к земле, тем меньше земли, денег и оборудования, необходимых для того, чтобы применять завоевания агрономии, и тем решительнее регрессирует обработка земли...

Итак, в той же мере, в какой растет население, а с тем увеличивается дробление земли, уменьшается ее плодородие, надаёт земледелие и возрастает задолженность крестьянина...

Каждое поколение оставляет после себя новое еще более задолженным, каждое новое поколение вступает в жизнь при более неблагоприятных и более тяжелых условиях. И если крестьянину уже невозможно делать новые долги под залог своего участка, т.-е. невозможно обременять его новыми ипотеками, он прямо попадает в руки ростовщика, и тем непомернее становятся ростовщические проценты.

Так случилось, что французский крестьянин... опускался до уровня ирландского фермера. Процесс этот ускорялся во Франции постоянно возрастающим бременем налогов. По статистическим

данным 1840 г. валовой земледельческий продукт Франции исчислен в 5.237.178.000 франков. Отсюда следует вычесть 3.552.000.000 франков на издержки обработке со включением потребленного работавшими людьми. Остается чистый продукт в 1.685.178.000 франков, из которых 550 миллионов надо скинуть на проценты по ипотекам, 100 миллионов на чиновников судебного ведомства (по судебным процессам), 350 миллионов на налоги и 107 миллионов на расход по записям, гербовым сборам, пошлинам, на заключение ипотек и т.д. Остается третья часть чистого продукта, 538 миллионов, т.-е. менее 25 франков на одну душу населения.

Маркс. Борьба классов. Стр.107–109.

Сельское хозяйство во Франции находится в руках невежественного, полунищего, всеми презираемого крестьянина, без знаний и инициативы, который работает по старинке, без сельско-хозяйственных орудий, с недостаточным удобрением, со скотом низкого качества. Высшие образованные классы презирают сельское хозяйство Франции как отсталое; экономисты указывают на громадные пространства неводеланных земель и на страшное дробление земельных участков, как на условия, мешающие прогрессу сельского хозяйства.

Крестьянин много работает и мало потребляет, но он мало производит и потому беден. Таможенная политика Франции этого периода, запрещавшая ввоз во Францию иностранного хлеба, вела к тому, что сельско-хозяйственная техника продолжала оставаться на низком уровне.

На полунищего крестьянина ложатся непосильно тяжелые налоги: так, налог с земли составляет ежегодно 500 милл. франков, т.-е. половину всего бюджета, и поглощает третья часть всего чистого дохода с земли.

Таким образом, самый многочисленный класс французского населения первой половины XIX в. находится в очень бедственном положении.

Низкий уровень сельского хозяйства препятствует развитию промышленности.

«В настоящее время, – писал банкир Лафитт в 1826 г., – еще существует нищая Франция XIV в., которая потребляет то, что производит высоко развитая Франция XIX века».

в) Утопический социализм и рабочее движение 30-х и 40-х годов

Французские рабочие 30-х и 40-х годов XIX в. переживали то, что их английские товарищи пережили 50-ю годами раньше – переход к крупному производству и постепенную пролетаризацию ремесленников. Не понимая происходящих перемен они старались разобраться в новых условиях и выяснить себе, что им предпринять. Их отцы в 1789 году проделали Великую Революцию, чтобы утвердить на земле «царство разума и справедливости», а оказалось, что вся их долготелая борьба

пошла лишь на пользу буржуазии. Сами рабочие в 1830 г., в Июльскую революцию, сражались на баррикадах, чтобы в результате укрепить власть крупной буржуазии и ее короля — Луи-Филиппа. В 20-х и 30-х годах появляются новые учения которые указывают, что дело не в том, чтобы им дать наиболее справедливые законы и наилучше образом организовать государственную власти как думали деятели Великой Французской Революции, а в том, чтобы устроить новый общественный порядок так, чтобы не было угнетенных и угнетателей, богачей и бедняков. Мыслителей того времени поражает, сколько богатств создает крупное производство и, вместе с тем, в какую нищету оно повергает тех, кто своими руками создает эти богатства. Будущее великое значение крупной промышленности ярко выявил Сен-Симон (1760—1825), который писал, что будущее принадлежит «индустриалам», к которым он одинаково относил и предпринимателей и рабочих, являющихся единственно полезными классами общества. «Предположим, - говорит Сен-Симон, - что Франция потеряет 50 лучших физиков, 50 лучших химиков, столько же математиков — тогда нация превратится в тело без души. Если же мы потеряем всех до единого принцев, все королевское семейство, дворян — то от этого не последует никакой беды. Между тем, именно, эти люди в настоящее время повелевают». Его ученики развили его учение и стремились провести свои идеи в жизнь. Они призывали всех трудящихся к всемирной ассоциации. «Всемирная ассоциация — вот наше будущее. Каждому по его способностям, каждой способности по ее делам — вот новое право, которое заменит собой право завоевания и право рождения; человек не будет больше эксплуатировать человека, но ассоциация будет эксплуатировать мир, отданный во власть ей». Но замена частной собственности коллективной должна, по мнению сен-симонистов, произойти без борьбы — в силу общего понимания того, что этот порядок лучше: они обращаются не к одному рабочему классу, а ко всему человечеству. Мы призываем человечество к новой жизни, мы спрашиваем у этих разобщенных, борющихся между собой людей, не наступило ли время открыть новые узы любви, учения и деятельности, которые должны объединить их, заставить их шествовать мирно к общей судьбе!»

Характеристики взглядов Сен-Симона вы найдете у Энгельса. Выясните ошибочность этих взглядов.

Учение Сен-Симона

Сен-Симон был сыном Великой Французской Революции. В момент ее возникновения ему не было еще 30-ти лет. Революция была победой, одержанной третьим сословием, т.е. большей частью нации, трудившейся в производстве и торговле, над праздными сословиями, пользовавшимися до того времени привилегиями, над дворянством и духовенством. Но вскоре обнаружилось, что победа третьего сословия представляла собой по беду, одержанную лишь небольшой частью этого сословия, была лишь завоеванием политической власти одним привилегированным

в общественном отношении слоем этого сословия, именно, имущей буржуазии. И эта буржуазия даже усилилась во время революции, благодаря спекуляции, конфискованным и затем распроданным земельным имуществам, принадлежавшим дворянству и церкви и благодаря мошенничествам поставщиков армий жертвой которых пала нация... Противоположное между третьим сословием и привилегированные сословиями в воображении Сен-Симона принял форму противоположности между «рабочими» и «тунеядцами». «Тунеядцами» оказались не только прежние привилегированные лица, но и все те которые жили доходами с капиталов, не принимая участия ни в производстве, ни в торговле. А «рабочими» были не только наемные рабочие, но и фабриканты, купцы, банкиры. Кто же должен был руководить и управлять обществом? По мнению Сен-Симона, эта функция должна быть передана науке и промышленности... а представителями промышленности, главным образом, являлись буржуа, занятые какой-нибудь деятельностью, т.е. фабриканты, купцы и банкиры. Эти буржуа должны были стать чем-то в роде общественных служащих, доверенных лиц общества, но при этом, по отношению к рабочим, сохранялось за ними высшее, и в административном и экономическом смысле, положение. Они были призваны путем регулирования кредита упорядочить все общественное производство. Эти предположения вполне соответствовали тому времени, когда во Франции лишь начала возникать крупная промышленность, а вместе с нею обрисовываться и противоположность интересов буржуазии и пролетариата. Но Сен-Симон особенно подчеркивает то, что его все время и во всех случаях заботит судьба «самого многочисленного и беднейшего класса».

Уже в своих «Женевских письмах» Сен-Симон выставляет положение, что «все люди обязаны трудиться», и в этом сочинении он уже признает, что эпоха террора была временем господства неимущих масс. Посмотрите, говорит он им: «что произошло во Франции в то время, когда ваши товарищи держали власть в своих руках. Они вызвали в ней голод». Но взглянуть в 1802 году на французскую революцию, как на борьбу классов и не только между дворянством и буржуазией, но и между дворянством, буржуазией и неимущими, был способен исключительно гениальный человек. В 1816 году Сен-Симон заявил, что политика есть наука о производстве, и предсказал, что политика совершенно претворится в политическую экономию в этих словах намечаются только первые зачатки понимания того, что основой политических учреждений является экономическое положение.

Энгельс. От утопии к научной теории. Изд. «Молот». 1905 г. Стр.9-10.

Другому мыслителю того времени — Фурье (1772—1837) принадлежит та заслуга, что он особенно резко отметил то зло, которое создается в капиталистическом обществе благодаря всеобщей конкуренции, благодаря неорганизованности — бесплановости хозяйства — одним

словом, благодаря анархии производства.

Выясните взгляды Фурье по следующему отрывку.

Мир наизнанку

Наш век особенно склонен хвастать успехами промышленности – индустриализм наша последняя научная химера; это мания производить бессистемно, без всякого плана пропорционального распределения, без всякой гарантии для производителя и рабочего, что он получит свою часть во все возрастающем богатстве, в результате чего мы именно в наиболее промышленных областях находим особенно много нищих. Политическая экономия подобна врачу, который сказал бы больному: «Моя обязанность состоит в том, чтобы определив вашу болезнь, а вовсе не в том, чтобы указан вам целебные средства».

Но ученым трудно определить зло, потому что они не хотят признать его размеры и сознаться в том, что все порочно в организации производства, что оно является миром наизнанку...

Далее, разве не очевидно, что обмен также ненормален: он совершается при помощи посредников, именуемых купцами, которые, становясь собственниками продукта, требуют себе дани и от производителя, и от потребителя и вносят беспорядок в организацию производства своими уловками скупки, мошенничества, спекуляции и вымогательства; что конкуренция также ненормальна, ибо она ведет к понижению заработной платы и приводит народ к нищете в результате развития промышленности: чем более развивается промышленность, тем более безработные вырывают друг у друга работу и рабочий принужден брать работу по более низкой цене; вместе с ростом числа торговцев, увеличиваются их плутни, так как конкуренция среди них делает получение прибыли более трудным...

Кроме этих противоречий, промышленность переживает противоречие еще более резкое: противоположность индивидуального интереса коллективному. Всякий производитель находится в постоянной войне с массой других людей и из личного интереса недоброжелателен к ним: врач хотел бы, чтобы его сограждане почаше хворали, а прокурор хотел бы, чтобы в каждой семье была бы тяжба. Архитектору желателен большой пожар, который обратил бы в пепел добрую половину города, а стекольщик призывает град, который побил бы все стекла. Портной хочет, чтобы его заказчику подсунили гнилую материя, а сапожник – чтобы его клиент купил обувь из гнилой кожи.

Таким образом, в обществе с развитой промышленностью всякий индивидуум находится в войне с массой – это неизбежное следствие противообщественного производства или мира наизнанку.

Эта бессмыслица должна исчезнуть при общественном производстве, где каждый индивидуум только в общей пользе может найти свою выгоду.

Фурье. Избранные сочинения.
Маленькая экономическая библиотека
на франц. языке. Стр.51 и дальше.

Для того, чтобы уничтожить эти противоречия и 9/10 нации освободить от работы на тунаядцев, составляющих всего 1/10 часть нации, необходимо, по мнению Фурье, ввести новую организацию общества. Все люди, как капиталисты, так и рабочие, должны понять, что им необходимо соединить свои усилия для разумного совместного производства. Идеал Фурье – фаланстер*, т.-е. такое объединение, в котором различные производства соединены с сельским хозяйством, где всякий мог бы делать то, что соответствует его склонностям, где труд был бы не мучением, а радостью. Зачем, рассуждает Фурье, капиталисту возиться с предприятием, бояться кризисов, нести убытки, когда, внося деньги в фаланстер, он, освобожденный от всякой ответственности, будет получать и проценты на внесенный капитал и сам будет заниматься тем трудом, к которому он чувствует склонность. Когда же все люди поймут идеи Фурье и убедятся в выгоды и справедливости нового порядка вещей, когда все производство сосредоточится в фаланстерах, зачем тогда суд, армия, налоги и весь вообще государственный аппарат? Тогда государство отомрет само собой. Тщетно в течение многих лет Фурье в определенные часы сидел дома, дожидаясь того миллионера, который, убедившись в правильности его ила, принес бы ему миллион для его осуществления.

Сен-симонисты и Фурье являются мечтателями-утопистами, потому что они наступление коммунистического строя ставят в связь не с экономическим развитием общества и борьбой классов, как это сделал несколько позже Маркс, а лишь с сознанием отдельных личностей, которые силой убеждения должны были подействовать на других людей и понемногу, частично вводить коммунизм.

Сначала идеи Сен-Симона и Фурье проникали только в среду интеллигентов, но в 40-х годах и рабочие начинают интересоваться идеями коммунизма.

После того, как Июльской революцией воспользовалась буржуазия и посадила на престол Луи-Филиппа, революционная борьба опять должна была уйти в подполье. В 30-х годах существуют с одной стороны интеллигентские организации республиканцев, в которые входят главным образом представители мелкой буржуазии – студенты, офицеры в отставке, врачи и люди других профессий; они издают газеты, организуют тайные общества и заговоры; газеты их подвергаются штрафам, членов их судят и арестовывают, но они не падают духом и продолжают свою подпольную работу. С другой стороны, на ряду с

* Слово «фаланстер» произведено от слова «фаланга» - по-гречески - военный отряд в боевом строю.

движением республиканцев-интеллигентов, начинается чисто рабочее движение. В 1831 г. рабочие Лиона объявили стачку, в виду того, что фабриканты отказались повысить заработную плату, и вышли на улицу с черным знаменем, на котором было написано: «Жить — работая, или умереть — сражаясь!» Власти бежали из города и рабочие на несколько дней овладели им, но не сумели воспользоваться своей победой; подошедшие правительственные войска заняли город и разбили рабочих.

В 1834 г. в Лионе произошло новое восстание, но на этот раз уже с политической окраской: «Долой аристократов, да здравствует республика!»

В помощь Лиону республиканцы подняли восстание в Париже, но и тут и там оно было подавлено.

В 40-х годах во Франции не было одной общей социалистической теории, а был целый ряд кружков и газет. Рабочие, читая газеты с призывом к восстанию, начинают понимать, какое значение имеет рабочий класс. «Достаточно было трех дней Июльской революции, — писалось в одной рабочей газете того времени, — чтобы изменилось наше значение в экономике общества, и теперь мы — главная часть этого общества, желудок, распространяющий жизнь в высшие классы, тогда как последние возвращены к своей истинной служебной роли. По нашему мнению, народ и есть не что иное, как рабочий класс — именно он дает производительную силу капиталу и на него опираются торговля и промышленность и торговля государства.

Среди революционных писателей времен Июльской монархии надо указать на Луи Блана (1812-1882), учение которого распространялось в рабочей среде; он сам соприкасался с рабочими и играл большую роль в революции 1848 года. Оставаясь еще утопистом, думая мирным путем изжить частную собственность на орудия производства путем сотрудничества капиталистов и рабочих, Луи Блан отличается от других социалистов-утопистов, в частности от Фурье, тем, что он большое значение придает государственной власти и настаивает на захвате и использовании ее, т.-е. предлагает встать на тот путь, который Маркс рекомендует пролетариату в «Коммунистическом Манифесте», вышедшем в 1848 г. Хотя Луи Блан стоит на точке зрения примирения богатых и бедных, но он уже отдает себе ясный отчет в классовой природе современного общества.

Чтобы яснее представить взгляды Луи Блана, прочтите следующий отрывок:

Организация труда и государственная власть

К вам, богатые, обращается эта книга («Об организации труда»), потому что в ней идет речь о бедных, а их дело — ваше дело!

Мы хотим, чтобы труд был организован так, чтобы нищета была уничтожена..., чтобы каждому дано было место... у источника знания, чтобы не было больше порабощенных людей, прикованных к станку, детей, ради семьи обращенных в какой-то придаток к

заработной плате, чтобы не было больше матерей, восстающих против плода своего чрева, девушек, принужденных ради куска хлеба продавать свою любовь! Мы хотим, чтобы труд был организован, дабы душа народа, вы слышите, — его душа! не была бы подавлена и искалечена тиранией существующего порядка.

Но вы не можете согласиться с теми, которые признают необходимым разрешение социального вопроса, но думают, что оно может быть отсрочено, и что им можно будет заняться, когда политическая революция будет закончена. Как? Стараться захватить власть, не имея ясного представления о том, как ее использовать — это значит пуститься в путь, не наметив себе конечной цели! Чего же вы боитесь? Разве за то, что демократическая партия укажет научно разработанные методы для уничтожения того ужасающего хаоса, в котором бьется современная промышленность! ее можно будет обвинять в призыве к промышленной жакерии?

Для того, чтобы на сторону политической реформы привлечь многочисленных сторонников из народа, необходимо указать им на связь, которая существует между переменной властью и моральным и материальным улучшением их собственного положения. Так во все времена поступали истинны! друзья человечества или его мстители.

Но социальная реформа тесно связана с политической, ибо если первая — цель, то вторая — средство. Недостаточно открыть научные принципы, способные осуществить организацию труда на началах разума, справедливости и человечности, не обходимо создать такое положение, при котором осуществление этих принципов стало бы возможным. Власть — это организованная сила. Власть опирается на парламент, на суды, на войско, т.-е. на утроенную силу законов, судебных приговоров и штыков. Не воспользоваться ею, как орудием, значит встретиться с нею, как с противником.

Кроме того, освобождение пролетариата — дело слишком сложное, оно затрагивает слишком много интересов, нарушает слишком много привычек, чтобы не было бы безумием полагать, что оно может осуществиться путем отдельных усилий и изолированных попыток. Для этого потребуется вся мощь государства. Пролетариату для его освобождения недостает орудий труда — обязанность государства будет дать ему их. В нашем понимании государство — это банкир неимущих.

Мы требуем, чтобы государство, преобразованное в демократическом духе, приступило бы к организации общественных мастерских, которые постепенно и без потрясений заменят частные мастерские; мы требуем... чтобы в них был осуществлен принцип ассоциации, чтобы участники распределяли между собой прибыль, изыскивая вместе с тем средства к увеличению предпринятого дела...

Мы хотим свободы, но где же свобода?

Она, конечно, существует и ею даже злоупотребляют те, у которых есть для этого средства, те, которые владеют землей и

капиталами, тем, бесчисленными благами, которые дает культура и умственное развитие. Но не так обстоит дело с тем многочисленным классом, у которого нет ни земель, ни капиталов, ни кредита, ни образования... И когда общество разделено таким образом, что на одной стороне огромная сила, а на другой столь же большое бессилие, к чему же может в нем привести конкуренция, которая сталкивает в рукопашную свалку богача с бедняком, расчетливого предпринимателя с наивным работником, человека, к услугам которого все банки, с рабом ростовщика, силача, вооруженного с головы до ног, с безоружным бойцом.

Это беспорядочное столкновение силы и бессилия, эта анархия в самом насилии, эта невидимая тирания, превосходящая своей жестокостью все ранее существовавшие виды явной тирании—вот что осмеливаются назвать свободой!

Во имя свободы мы требуем... сильного государства, потому что в том состоянии неравенства, в котором мы находимся, есть много бедных, которые нуждаются в общественной силе, которая бы их поддержала. Мы хотим, чтобы государство приняло бы участие в организации производства, потому что нужен общественный банкир, который давал бы ссуды беднякам. Одним словом, мы призываем идею власти, потому что свобода сегодняшнего дня — ложь, а свобода будущего должна быть истиной.

Вам, богачи, посвящается эта книга; вас обманывают, когда вас возбуждают против тех, кто проводит бессонные ночи над мирным и безболезненным разрешением социальных проблем.

Луи Блан. Организация труда.
Предисловие к 4-му франц.изданию. 1845

Другой знаменитый революционер середины XIX в. Огюст Бланки (1805—1881) больше 40 лет своей жизни просидел в тюрьме за организацию восстаний и заговоров. Он тоже еще не стоял на классовой точке зрения и называл себя пролетарием, понимая под этим, словом всех вообще труящихся: и рабочих, и крестьян, и деклассированную интеллигенцию. Он свои идеи хотел осуществить путем захвата власти кучкой хорошо организованных заговорщиков. Попытка такого восстания была произведена в Париже 12 мая 1839 г. После уличного боя заговорщики были разбиты; главари Бланки и Барбес, присуждены к смертной казни, но были помилованы и заключены в тюрьму, откуда их освободила лишь революция 1848 г.

Таким образом во Франции времени Июльш монархии далеко не все было спокойно: с одной стороны, заговоры интеллигентов, с другой стороны, проповедь социалистов; под их влиянием рабочие массы начинают понимать свое экономическое и социальное положение и в будущей схватке потребуют не только избирательных прав, но и социальной республики.

Французский писатель-историк и общественный деятель того времени Токвиль (1805—1853), всецело примыкавший к буржуазии, еще в октябре 1847 года так определял положение во Франции:

Настанет время, когда страна снова будет разделена между двумя политическими партиями. Французская революция (1789 г.) повсюду оставила нетронутым одно право — право собственности. Те, у кого есть собственность, не должны воображать, будто право собственности есть неприступная твердыня, потому что до настоящего времени оно еще нигде не было ниспровергнуто... Теперь все изменилось: теперь на право собственности смотрят, как на последний обломок разрушенного аристократического здания, теперь оно торчит одиноко среди общества, в котором все права подводятся под один уровень... Политическая борьба скоро будет вестись между теми, кто имеет собственность, и теми, кто ее не имеет; для политических партий будет служить главным полем битвы собственность и самые важные политические вопросы будут касаться более или менее существенных изменений в правах тех, кто имеет собственность... Неужели предвестники такой будущности не бросаются каждому в глаза? Разве можно приписывать простой случайности... возникающие со всех сторон странные теории, которые все, без исключения, отвергают право собственности?

Токвиль, Воспоминания, стр.16—17.

III. Положение отдельных классов и их настроение перед 1848 г.

Но недовольны не только рабочие: все имущие и малоимущие, которые не участвуют в управлении страной, недовольны.

Это недовольство было ярко обрисовано Марксом.

Недовольство буржуазии

Собственно промышленная буржуазия составляла часть официальной оппозиции, т.-е. была представлена в палатах, как меньшинство. Оппозиция ее проявлялась тем решительнее, чем исключительнее развивалось самодержавие финансовой аристократии и чем обеспеченнее ей представлялось ее собственное господство над рабочим классом после потопления в крови восстания 1832, 1834 и 1839 годов...

Мелкая буржуазия во всех ее ступенях, равно как и крестьянский класс, были совершенно исключены от политической власти. В официальной оппозиции или совсем за пределами легальной страны находились, наконец, идеологические представители и выразители только что названных классов, - их ученые, адвокаты, врачи, одним словом, — интеллигенция.

Маркс. Борьба классов во Франции 1848-1850 г., стр.20.

Некоторые части Франции – особенно юг, где процветало виноделие, и южные портовые города, где большую роль играли судовладельцы, стояли! свободу торговли и были против высоких пошлин, выгодных только той части буржуазии, которая господствовала при Луи-Филиппе.

В противоположность железным и угольным королям – представителям тяжелой индустрии – средние торговцы и фабриканты – текстильные, фабриканты бумаги и другие представители легкой индустрии, которых Маркс объединяет под общим именем «промышленной буржуазии», не имели достаточного количества своих представителей в парламенте. Их газета «Национал» стояла за республику, но указывала при этом, что «мирные пути – единственные в наше время, которые содействуют успехам наших идей».

Промежуточные классы, находящиеся между крупной буржуазией и пролетариатом – мелкие швочники и торговцы, офицеры в отставке, студенты, писатели, журналисты – одним словом, интеллигенция и мелкая буржуазия, с одной стороны, довольно близко подходят к коммунизму, а с другой стороны, не хотят затрагивать частной собственности. Эти мелкобуржуазные республиканцы-демократы группируются вокруг основанной в 1843 г. газеты «Реформа». Целью новой газеты была не только борьба за всеобщее избирательное право, но также и борьба за улучшение положения рабочего класса. В этой газете писал Луи Блан, и она выдвигала формулу, взятую у Фурье: «право на труд». «Закон преследует за бродяжничество и нищенство, - писалось в этой газете, – но если общество требует, чтобы всякий работал, под угрозой тюремного •включения, то не обязано ли оно давать работу тем, кто ее не имеет?»

К этой группе республиканцев-демократов примкнул избранный в 1841 г. в Палату депутатов адвокат Ледрю-Роллен, впоследствии в 1848 г. министр и вождь мелкой буржуазии.

Группа республиканцев-демократов выражала, таким образом, интересы мелкой буржуазии и интеллигенции; ее можно назвать партией демократической или народной, потому что она хотела, чтобы за всеми гражданами, за всем народом было признано право выбирать своих представителей. Радикальной ее называют потому, что, не затрагивая частной собственности, она с корнем, радикально хотела уничтожить все злоупотребления и по мере возможности улучшить положение рабочих.

Таким образом, в конце 40-х годов все классы Франции, за исключением небольшой сравнительно кучки финансовой аристократии, правившей страной, были недовольны.

Ближайшими поводами к революции 1848 год во Франции были мировой кризис 1847 г. и плохие урожаи во Франции в предшествующие годы. В 1845 г. урожай хлебов на севере Франции был плохой; большие бедствия вызвала болезнь картофеля, которая охватила всю Европу. В 1846 г. во Франции урожай как хлебов, так и картофеля, был плохой, цены на хлеб вскочили, а промышленность, в связи с общим кризисом, сжалась, к голоду среди крестьян присоединились голод безработица

среди рабочих. Начались народные волнения. В портах женщины опустошают судна с зерном и картофелем, предназначенные к вывозу, во многих местах нападают на булочные, грабят мучные лавки. В одном месте дело дошло погрома богачей, во многих деревнях жгут помещичьи замки, леса; национальная гвардия на стороне бунтовщиков, а власти бездействуют.

Недовольство проявляется во всех классах. Буржуазные группы, в частности промышленная буржуазия, представленная в парламенте в меньшинстве, составляли династическую оппозицию. Они стояли за монархию и за то, чтобы французский престол принадлежал династии (семье) Орлеанов; они протестовали против того, как управлялась страна, и требовали избирательной реформы, т.е. расширения избирательного права, хотя конечно, хотели сохранить власть за средними классами.

Избирательная реформа была выставлена на буржуазией еще в конце 30-х годов, как средство отвлечь рабочих от коммунизма и классовой борьбы. Вот как один из депутатов Одиллон Барро характеризует выборы во время Июльской монархии; «Во всех частях Франции, на всех предвыборных собраниях говорят: «Надо выбрать депутата, удобного правительству, чтобы он нам выхлопотал побольше милостей». Это значит: если вы отец семейства и нуждаетесь в стипендиях для воспитания ваших детей, он вам их устроит. Если вы богаты и жаждете отличий – государство вам их даст. Это система подкупа избирателей».

Маркс так характеризует Июльскую монархию: «Июльская монархия была не чем иным, как акционерным обществом для эксплуатации французского национального богатства, дивиденды (доходы) с которого распределялись между министрами, палатами, 240 тысячами избирателей и их сообщникам». Луи-Филипп был директором этой компании... При такой системе промышленности, торговле, земледелию, судоходству, ивк ресам промышленной буржуазии постоянно угрожала опасность и причинялся ущерб (Маркс. Борьба классов. Стр.22).

Начиная с лета 1847 г., буржуазная оппозиция организует банкеты, т.е. торжественные собрания с речами в пользу расширения избирательного права и с критикой существующего порядка управления. На одном из таких банкетов – 9 июля 1847 г. - между прочим было сказано: «Правительство не насилует совести граждан, оно их покупает.»

На некоторых банкетах ораторы-демократы говорили о политической революции, как средстве для революции социальной.

Несмотря на то, что буржуазия так ратовала за реформу, король и его министры продолжали противиться всяким переменам. Насколько положение короля становилось шатким, видно из того что за несколько дней до революции 1848 г. зять Луи-Филиппа, бельгийский король, писал одному своему родственнику: «Моего тестя скоро прогонят, как Карла X». «Это может кончиться завтра, но может еще продлиться некоторое время, – писал прусский посол своему правительству.

IV. Февральская революция

а) Образование Временного Правительства

Хотя парламентская оппозиция не хотела ни революции, ни республики, но она продолжала агитировать за реформу, а эта агитация привела к революции.

На 22 февраля 1848 г. в Париже был назначен банкет, при чем республиканские газеты приглашали студентов и национальную гвардию сопровождать приглашенных на банкет в торжественном шествии по Парижу. Правительство запретило банкет, и сами устроители решили воздержаться, но демонстрация все-таки 22 февраля состоялась; в некоторых местах к вечеру появились баррикады. Правительство для своей защиты решает созвать национальную гвардию, но это ополчение, состоящее из мещан, интеллигенции и состоятельных буржуа, собирается с криками: «Да здравствует реформа!», а в некоторых местах даже с криками: «Да здравствует республика!» Узнав об этом, король почувствовал себя совсем без опоры и решил пойти на некоторые уступки.

Вечером того же дня, когда мирно настроенная толпа из рабочих предместий проходила по улицам с криками: «Да здравствует реформа и армия», в центре города в нее был произведен залп, которым было убито и ранено около 50 человек. Разъяренная толпа погружает на повозку 16 трупов и везет их по улицам Парижа, при свете факелов, с криками: «К оружию! Мы отомстим!»

Во всем городе усиливается волнение утром следующего дня снимают с постов полицию, строят баррикады. Республиканцы распространяют воззвания: «Граждане, Луи-Филипп расстреливает нас, как Карл X, пускай Он за ним и последует!» Народ Парижа! Не складывайте оружия! Защищайте баррикады! Идите на штурм Тюльери!» (королевского дворца).

У широких народных масс нет общей организации, нет вождя, но национальная гвардия присоединяется к восставшим и занимает ратушу, которую регулярные войска отдают без боя. Правительство растерялось, войска бездействуют.

Когда 24 февраля утром бой приблизился к самому дворцу, король решил отказаться от престола и подписал свое отречение в пользу малолетнего внука. Затем король с семьей бежал в Англию.

Народная толпа занимает королевский дворец! откуда только что скрылся король, с криками: «Да здравствует республика!»

В то же утро, когда на улицах еще шел бой, в редакции газеты «Националь» спешно составлялся список членов Временного Правительства.

Что же будет дальше? Будет ли на месте Луи-Филиппа царствовать его внук или во Франции будет республика? Этот вопрос уже в середине дня решался в Палате депутатов. Один из депутатов, член династической оппозиции, Одиллон Барро говорил: «Для всякого ясно, в чем наш долг:

корона Июльской монархии покоится на голове ребенка и женщины!» (т. е. принадлежит внуку Луи-Филиппа с. тем, чтобы его мать, герцогиня Орлеанская, управляла страной до его совершеннолетия). Но в это время зал заседания наполнился толпой вооруженных людей, перед которыми один из вождей буржуазии, поэт Ламартин, произнес речь в пользу республики. Перед этой же случайной толпой республиканец Мари оглашает список членов Временного правительства, составленный буржуазными республиканцами из «Националя», при этом некоторые имена толпа приветствует, а другие встречает неодобрительными возгласами. Во время чтения из толпы раздается голос, принадлежащий студенту Высшей Политехнической Школы: «Из всех членов вашего Временного правительства ни один не хочет республики! Вы увидите, нас обманут, как в 1830 году!» Толпа кричит: «В ратушу!» Все двигаются туда – в этот центр всех парижских революций. Там члены Временного Правительства опять выступают перед такой же случайной толпой и как бы утверждают ее. В то же время в редакции демократической газеты «Реформа» спешно составлялся свой список Временного правительства: в него было внесено большинство лиц списка «Националя», уже оглашенного в Палате депутатов и в ратуше, но, кроме них, были включены и более левые: журналист-республиканец Марраст, писатель-социалист Луи Блан и рабочий Альбер.

Буржуазному Временному правительству, уже утвердившемуся в ратуше, пришлось, из боязни восстания рабочих, включить в состав правительства и кандидатов «Реформы». Составившееся таким образом правительство из 11 человек было очень разношерстным по своему составу: с одной стороны, в него входили представители интересов крупной буржуазии, считавшие, что революция закончена, так как место монархии, в которой правила верхушка буржуазии, заняла республика со всеобщим избирательным правом; таких в правительстве было большинство. С другой стороны, социалисты, как Луи Блан и Альбер, которые видели в республике средство ввести социализм в жизнь и изменить положение рабочего класса. Между этими двумя крайностями стояли Флокен и Ледрю-Роллен - они представляли мелкую буржуазию-интеллигенцию, лавочников, часть ремесленников; они хотели демократической республики с некоторыми социальными реформами они хотели улучшить положение рабочих, не затрагивая, вместе с тем, основ частной собственности.

Совершенно необычно было вхождение в правительство рабочего от станка – механика Альбера; так как многие отказывались верить этому, ему пришлось опубликовать в газетах свидетельство о тех мастерских, где он раньше работал. Самым талантливым представителем буржуазии во Временном правительстве был знаменитый поэт Ламартин, особенно действовавший на массы своим красноречием.

Так, когда окружившая ратушу народная толпа требовала, чтобы вновь учрежденная республика приняла красное знамя, Ламартину удалось отстоять трехцветное знамя буржуазных республиканцев

указанием на то, что это знамя с революционными и наполеоновскими войсками обошло всю Европу.

Под давлением народной толпы, занявшей как всю ратушу, так и площадь перед ней, Временному Правительству, скрепя сердце, пришлось объявить республику. Хотя до этого дня только меньшинство во Франции стремилось к республике, но после того, как она была провозглашена в Париже, вся Франция признала республику! не поддержал короля, о нем скоро все позабыли: все бывшие монархисты перекрасились в республиканцев.

Вот характеристика Временного правительства, сделанная Марксом:

О Временном Правительстве и провозглашении республики

Временное Правительство, поднявшееся по февральским баррикадам, по необходимости отразило в своем составе различные партии, между которыми распределялась победа. Оно не могло быть чем-либо иным, как только компромиссом между различными классами, которые сообща ниспровергли Июльский трон, но интересы которых находились во враждебном противоречии. Крупное большинство этого правительства состояло из представителей буржуазии. Республиканская мелкая буржуазия была представлена Ледрю-Ролленом и Флоконом, республиканская буржуазия людьми из «Националя»... Рабочий класс имел только двух представителей: Луи Блана и Альбера. Наконец, Ламартин не представлял во Временном правительстве никаких действительных интересов, никакого определенного класса, он был сама Февральская революция, общее восстание с его иллюзиями, с его поэзией, его **воображаемым** содержанием и его фразами. Впрочем, выразитель Февральской революции, как по своему положению, так и по взглядам, принадлежал буржуазии.

Если Париж, благодаря политической централизации, господствует над Францией, то в момент революционных потрясений рабочие господствуют над Парижем. Первым актом, в котором проявилась жизнь Временного правительства, была попытка освободиться от этого подавляющего влияния посредством апелляции (обращения) от опьяневшего Парижа к трезвой Франции. Ламартин отрицает за сражавшимися на баррикадах право провозгласить республику, это право принадлежит только большинству французов, а потому следует подождать, чтобы большинство заявило о своем настроении: парижский пролетариат не запятнает своей победы узурпацией (захватом). Только одну узурпацию разрешает буржуазия пролетариату - узурпацию борьбы.

К полдню 25 февраля республика не была еще провозглашена, зато все министерства уже были распределены между буржуазными элементами Временного правительства, между генералами, банкирами, адвокатами из газеты «Националь». Но рабочие решились ни в каком случае не допускать на этот раз такого обмана, как в июле 1830 года. Они были готовы снова начать борьбу и силой

оружия добиться республики. С этим извещением Распайль отправился в ратушу. Именем парижского пролетариата он повелел Временному правительству провозгласить республику и обещал возвратиться во главе 200.000 человек, если это приказание народа не будет исполнено до истечения двухчасового срока. Еще не успели остыть трупы павших на баррикадах, баррикады еще не были разобраны, рабочие еще не были разоружены, не успел истечь 2-часовой срок, как на всех стенах Парижа уже красовались великие исторические слова: «Французская республика! Свобода! Равенство! Братство!»

Маркс. Классовая борьба. Стр.25–27

б) Мероприятия Временного Правительств в пользу рабочих.

Фактическими хозяевами Парижа в эти первые дни после 24 февраля были рабочие: они занимали ратушу, где заседало Временное Правительство.

Наконец-то, думали рабочие, наступил момент, когда можно воплотить в жизнь то, о чем они толковали в подпольных кружках. Наступило время когда не будет ни бедных, ни богатых, когда все безработные будут иметь работу, когда, одним словом, можно будет осуществить тот социализм, который жил в умах и сердцах людей того времени! Вооруженный народ считал себя призванным охранять революцию, но он сам ясно не представлял себе, кто его враги.

Вот сквозь толпу, занимающую ратушу, с трудом прокладывает себе дорогу в дальнюю комнату, где заседает Временное правительство, молодой голубоглазый рабочий с ружьем в руках – это Марш, представитель небольшой группы фурьеристов. Он требует, чтобы Временное правительство издало декрет о труде; на возражения Ламартина, он штыком указывает на народную толпу, собравшуюся на площади, и бросает ему: «Довольно фраз!»

Декрет был тут же составлен Луи Бланом в духе его учения.

Декрет о праве на труд

Временное Правительство Французской Республики обязуется обеспечить существование рабочего трудом. Оно обязуется обеспечить трудом всех граждан. Оно признает, что рабочие должны соединяться между собой, чтобы пользоваться законными плодами своего труда.

Напечатано в «Монитере»,
официальной правительственной газете того времени,
26 февраля 1848 г.

Но как же могло буржуазное правительство взять на себя обязанность обеспечить трудом всех граждан? Ведь для этого надо было бы в корне изменить весь экономический строй, произвести национализацию производства. Для этого пролетариат должен был бы захватить власть и уничтожить буржуазию, а социалисты того времени,

наоборот, призывали его к единению с буржуазией и к мирным способам борьбы. В этом декрете Временное правительство давало обещание, которое оно заведомо не могло исполнить.

Когда, по прошествии двух дней, ничего в пользу рабочих не было сделано, 28 февраля тысячи рабочих вышли на улицу, выстроившись по профессиям, со знаменами, на которых было написано: «Десятичасовой рабочий день! Доле рядчиков! Министерство Труда!» Когда рабочие явились к Временному правительству, оно долго колебалось, принять ли их депутацию; в случае отказа, Луи Блан грозил уходом. Наконец, согласились на том, чтобы образовать Комиссию Труда под председательством Луи Блана.

Декрет об учреждении Люксембургской комиссии

Принимая во внимание:

что революция, сделанная народом, должна быть сделана для него, что пора положить предел долголетним и несправедливым страданиям народа,

что рабочий вопрос имеет чрезвычайную важность,

что у республиканского правительства нет заботы более высокой, более достойной,

что именно Франция должна взять на себя изучение и разрешение проблемы, стоящей в настоящее время перед всеми промышленными народами Европы,

что без малейшего промедления надлежит обеспечить народу законные плоды его труда, —

Временное правительство постановляет учреждение постоянной комиссии, которая будет носить название «Правительственная Рабочая Комиссия» специальной целью которой будет заняться судьбой рабочих.

Чтобы показать, какое значение Временное Правительство придает разрешению этой великой проблемы, она назначает председателем Правительственной Рабочей Комиссии одного из своих членов — г-на Луи Блана, и товарищем председателя — другого своего члена — г-на Альбера, рабочего.

Рабочие будут привлечены к участию в Комиссии. Местопребывание Комиссии будет в Люксембургском дворце.

Декрет от 28 февраля 1848 г.,
опубликованный в «Монитере»
29 февраля 1848 г.

Укажите, в чем сказались взгляды Луи Блана в этих декретах?

В Люксембургском дворце, где до революции заседали самые знатные сановники монархии, 1 марта было созвано первое заседание Комиссии, получившей название по дворцу, в котором она заседала, на которое, по собственному почину, явилось около 150 рабочих. Луи Блан призывал их

к терпению, указывая на то, что он «принял на себя обязанность обеспечить счастье всем семьям Франции».

Немедленно были осуществлены самые насущные требования рабочих: сокращение рабочего дня на один час: в Париже рабочий день был установлен в 10 ч. вместо 11 ч., а в провинции — 11 ч. вместо 12 ч. и отмена найма рабочих через подрядчиков (декрет 2 марта, опубликованный в «Монитере» 3 марта 1848 г.).

В виду того, что со 2 марта Комиссию нац нают наводнять делегаты самых различных профессий со своими нуждами, Луи Блан, чтоб придать рабочему представительству более орд низованный характер, предложил каждой из профессий прислать трех делегатов — таким образом был создан как бы рабочий парламент.

Так как руководитель Комиссии Луи Блан ставил своей целью не борьбу рабочих с хозяевами, а, наоборот, примирение их интересов, он в эту Комиссию призвал также и хозяев, которые прислали 231 делегата. Из представителей рабочих и хозяев был составлен постоянный совет.

Комиссия не располагала никакими средствами и, по выражению Луи Блана, в ней «говорилось о голоде перед пустой миской».

Практическая работа Люксембургской комиссии выразилась в том, что она разрешала конфликты и устанавливала соглашения между рабочими и хозяевами (булочников, перчаточников, механиков, шапочников, в производстве обоев, при восстановлении мостовых после уличных боев и т.д.). Луи Блан полагал, что путем этих соглашений устанавливает отношения солидарности между зяевами и рабочими.

В некоторых провинциальных городах комиссары Временного правительства также организовывали комиссии из хозяев и рабочих для примирения конфликтов.

Идеалом Луи Блана были производительные товарищества с государственной поддержкой. «Всеобщее счастье путем всеобщей ассоциаций! Ассоциация — это великая дорога к социализму!» (речь 17 марта) — и вот Люксембургская Комиссия покровительствует образованию таких производительных товариществ. Так, дело обмундирования национальной гвардии и изготовление для нее седел было передано двум ассоциациям портных и седельщиков, которые просуществовали до июня 1848 г.

Яркую характеристику Люксембургской Комиссии вы найдете у Маркса.

О праве на труд в Люксембургской Комиссии

Как в Июльские дни рабочие завоевали буржуазную монархию, так в Февральские они завоевали буржуазную республику. И как Июльская монархия вынуждена была выступить, как монархия, окруженная республиканскими учреждениями, так точно Февральская республика, в силу необходимости, выступила как республика, окруженная социальными учреждениями Парижский пролетариат заставил сделать ему и эту уступку.

Рабочий Марш продиктовал декрет, которым только что

образовавшееся Временное правительство обязывалось обеспечивать существование рабочих посредством труда, доставлять работу всем гражданам и т.д. А когда через несколько дней оно забыло о своих обещаниях и, повидимому, совершенно запмятовало о пролетариате, толпа в 200.000 рабочих двинулась к ратуше с криками: »Организация труда! Создание особого министерства труда! Неохотно и после длинных дебатов Временное правительство назначило постоянную специальную комиссию, которой было поручено изыскать средства для улучшения положения трудящихся классов.

Эта комиссия была образована из делегатов от ремесленных корпораций Парижа; председательствовали в ней Луи Блан и Альбер. Местом ее заседаний избрали Люксембургский дворец. Таким образом, представителей рабочего класса изгнали из заседаний Временного правительства, и буржуазная часть последнего сосредоточила исключительно в своих руках действительную государственную власть и бразды правления, а около министерств финансов, торговли, общественных работ, около банка и биржи образовалась социалистическая синагога, на первосвященников которой, Луи Блана и Альбера, возложили задачу открыть путь в обетованную землю, возвестить новое евангелие и дать работу парижскому пролетариату. В отличие от всякого рода заурядной государственной власти, в их распоряжении не было ни бюджета, ни государственной власти. Головой должны они были сломать главные устои буржуазного общества. В то время, как Люксембург отправился в поиски философского камня, в ратуше чеканили монету, немедленно поступающую в обращение.

И при всем том требования парижского пролетариата, поскольку они выходили за пределы буржуазной республики, не могли реализовать ни в каких иных формах, кроме туманных форм Люксембурга.

Вместе с буржуазией совершили рабочие Февральскую революцию, около буржуазии пытались они отстаивать свои интересы: так и во Временном правительстве, на ряду с буржуазным большинством, они поместили одного рабочего. Организация труда! Но наемный труд — ведь это уже имеющаяся в наличности буржуазная организация труда! Вне ее не капитализма, нет буржуазии, нет буржуазного общества. Особое министерство труда! Разве министерства финансов, торговли, общественных работ, разве они не являются буржуазными министерствами труда? И рядом с ними пролетарское министерство труда неизбежно должно было превратиться в министерство бессилия, министерство благих пожеланий, в комиссию Люксембурга. Считая возможным освободиться от буржуазии, рабочие считали также возможным в пределах национальных стен Франции совершить пролетарскую революцию при существовании других буржуазных наций. Но производственные отношения Франции обусловлены внешней

торговлей Франции, ее положением на мировом рынке и законами последнего. Могла ли Франция нарушить их без европейской революционной войны, которая была бы в состоянии потрясти Англию, этого деспота мирового рынка?

Маркс. Классовая борьба. Стр.28—29.

Большинство членов Временного Правительства предоставляли Луи Блану разглагольствовать о рабочем вопросе и общественных мастерских, а сами в это время практически приступали к делу. Чтобы исполнить обещание, данное в декрете о праве на труд, чтоб занять безработных, Временное правительство учредило «Национальные мастерские». Название было заимствовано у Луи Блана, но организованы эти мастерские были так, чтобы рабочие на деле могли убедиться в нелепости Луи Блановских проектов. Член Временного правительства Мари, которому была поручена организация Национальных мастерских, говорил впоследствии: «Я — не социалист. Я не верил, чтобы право на труд могло быть осуществлено, поэтому декрет о праве на труд и не мог найти во мне преданного исполнителя». Вместо производственных ассоциаций, где бы рабочие работали по своей специальности, распределяя общественным образом получаемую прибыль, создали просто артель землекопов, которых, чтобы занять их, посылали на бессмысленную и никому ненужную работу - рыть канавы, пересаживать деревья на бульварах и т.п. Каждый мог записаться и получать по 2 франка в день в случае, если его посылали на работу, и 1,5 франка — если в этот день ему не давали работы. Это была подачка, брошенная рабочим, которая их только развращала. Масса народа устремилась в национальные мастерские. 15 апреля было записано 36.500 чел., а к 1-му мая число записавшихся превышало 100.000 чел. Эту громадную армию рабочих, организованную по военному, Временное правительство хотело использовать для своей защиты против социалистических рабочих, группировавшихся вокруг Люксембургской комиссии. Член Временного правительства Мари говорил директору национальных мастерских Тома: «Вам нужно найти путь привязать к себе рабочих. Не жалейте денег! Возможно, что близок день, когда понадобится вывести их на улицу!» При этом он советовал на всякий случай рабочих вооружить. Во время выборов в Учредительное Собрание рабочие национальных мастерских радовались провалу красных кандидатов Люксембурга.

По примеру Парижа, мастерские для безработных были организованы в некоторых других городах - Лионе, Марсели, Нанте, Руане.

Буржуазная часть Временного Правитель хотела подачками обмануть классовое чувство рабочих. Такие случаи неоднократно бывал в истории и всегда они приводили к одному результату: в конце концов, буржуазия открывала свое настоящее лицо и между ею и обманутыми рабочими загорался бой не на жизнь, а на смерть. Так было и во Франции в 1848 году.

в) Отношение к революции буржуазии и крестьянства

Таким образом, в первую неделю своего существования Временное Правительство принуждено было принять целый ряд мер в пользу рабочего класса. Защитники собственности с ужасом видели, как на их глазах совершается «социальная революция».

Для многих французов слово «республика» связывалось с голодом и казнями: надо было скорее успокоить всех. Временное Правительство издает декрет об отмене смертной казни и старается сохранить мир: министр иностранных дел Ламартин обратился с манифестом к Европе, в котором указывал, что «французская республика ни на кого не нападает — она не предпримет темной и зажигательной пропаганды среди своих соседей». Буржуазия могла быть спокойной.

В области промышленности и торговли революция только усилила тот кризис, который начался еще в 1847 г. Многие богатые люди уезжали из Парижа, их прислуга, их поставщики — портные, сапожники, каретники, мебельщики и др., оставались без работы. Масса народа стала требовать вклады из банков, а казна была пуста. Кроме того, правительству приходилось ежедневно тратить громадные деньги на содержание национальных мастерских. Как-то к этому отнесется вся страна? Преобладающие массы населения — крестьяне, притаились и ждали, какова-то будет эта республика. Французский крестьянин, как говорит Маркс, всегда представляет себе государство в образе сборщика налогов, а Временное правительство, очутившись перед пустой казной и не желая затронуть имущества богатых, начало с того, что обложило крестьян новым налогом: на каждый франк существующих прямых налогов оно накинуло по 45 сантимов. Прочтите, кто об этом писал Маркс.

Крестьянство и 45-сантимный налог

Временное правительство все больше сгибалось под тяжестью возрастающего дефицита... Приходилось прибегнуть к героическому средству, к назначению новых налогов. Но кого же обложить? Биржевых волков, банковых королей, государственных кредиторов, рантье, промышленников? Но эти республика едва ли снискала бы себе расположение буржуазии. Это значило подвергать опасности тот самый государственный и торговый кредит, который старались приобрести ценой таких великих жертв и унижений. Но кто-нибудь должен же был платить! Итак, кем же пожертвуют буржуазному кредиту? Простаком-крестьянином! Временное правительство увеличило четыре прямых налога добавочной суммой в 45 сантимов с франка. Парижскому пролетариату правительственная пресса лгала, что этот налог падает преимущественно на крупное землевладение. На самом же деле он падал прежде всего на класс крестьян, т.-е. на подавляющее большинство французского народа. Крестьяне должны были оплатить издержки Февральской

революции, — в них контрреволюция приобрела для себя главный материал - 45-сантимный налог — это был вопрос жизни для французского крестьянина, и крестьянин сделал его вопросом жизни для республики. Республика с этих пор воплотилась для французского крестьянина в 45-сантимный налог, а в парижском пролетариате он стал видеть расточителя, который мило устраивается за его счет.

Между тем как революция 1789 года начала с того, что стряхнула с крестьян феодальные повинности, революция 1848 года, чтобы не создавать опасностей для капитала и поддерживать государственную машину в ходу, возвестила о себе деревенскому населению новым налогом.

Маркс. Классовая борьба. Стр.35—36.

Временное Правительство власть свою должно было сдать Учредительному Собранию, которое должно было выявить мнение всей Франции. Выборы на основе всеобщего избирательного права (только мужского населения) были назначены на 9 апреля. Большинство избирателей - жители провинции; среди них преобладают численно крестьяне. С мест поступали вести, для революции мало утешительные. Крестьяне были очень недовольны тем, что Временное правительство тратит народные деньги, собранные преимущественно с крестьян, на содержание туеядцев - так они называли рабочих национальных мастерских. Чтобы кормить этих бездельников, правительство еще увеличило налоги.

Париж и провинция

Полукрестьянин, которому я поручил охрану моего поместья, описывал мне после 24 февраля все что случилось замечательного в нашей провинции (Ламаншском департаменте) и, между прочим, говорил: «Здесь жители утверждают, что выгнать Луи-Филиппа — хорошее дело, и что он вполне этого заслужил».

Но когда до них дошли сведения о господствовавшей в Париже неурядице, о намерении ввести новые налоги, об опасениях войны, когда они увидели, что торговля находится в застое, а деньги как будто закапываются под землю, и, в особенности, когда они узнали, что делаются нападения на право собственности... тогда страх проник в народную массу и ужас распространился по всей провинции... В деревнях... собственность сделалась чем-то в роде братских уз для всех, кто ее имел! Париж в первый раз внушал общую ненависть и общий страх... На избрание противников Парижской демагогии стали смотреть, как на самое безопасное средство выразить свое недоверие новому властелину.

Токвиль. Воспоминания. Стр.96—97.

Провинциальные известия очень волновали парижских рабочих и революционеров. В то время не существовало организованных

политических партий, как в наше время, с программой, уставом, правильными членскими взносами и определенными согласованными действиями в необходимый момент. Около отдельных вождей группировались сочувствующие им; свои идеи вожди проводили в журналах, газетах и клубах. Единства не было; было много социалистических писателей, но они не стремились столкнуться по разделявшим их частным вопросам и каждый собирал вокруг своей газеты небольшую кучку приверженцев. Революция установила полную свободу печати, и вот в Париже и в провинции стало издаваться множество социалистических газет, приводивших в ужас собственников.

Благодаря установленной революцией свободе в Париже было организовано свыше двухсот клубов, при чем в клубы объединялись то люди одной профессии, то жители одного квартала, то земляки (лионцы, поляки), то люди одних убеждений.

Вожди клубов, революционные газеты и революционно настроенные массы рабочих, и мелкой буржуазии с ужасом относились к вестям, доходившим из провинции: надо было, во что бы то ни стало, развить агитацию в провинции, иначе в Учредительное Собрание выберут контр-революционеров.

«Мы требуем отсрочки выборов в Национальное Собрание и посылки на места граждан, могучих просветить крестьянское население. Если будут выбраны реакционеры, неизбежна гражданская война. Подумайте об ужасных последствиях борьбы между парижским населением и Учредительным Собранием, которое думает, что оно представляет всю нацию, а на самом деле, не является ее представителем», — с такими воззваниями обращался клуб, руководимый Бланки, к Правительству. 15 клубов, представляющих, по их словам, «большинство парижского населения», объединились для борьбы за отсрочку выборов. Выборы были отсрочены, но всего на две недели.

Национальная гвардия, в которую с 1830 г. входили сравнительно обеспеченные люди, которые на свой счет могли обмундироваться и купить себе оружие, была после Февральской революции преобразована: как всякий взрослый мужчина мог избирать в Учредительное Собрание, так всякий мог поступать в национальную гвардию (декрет 8 марта 1848 г.). Национальная гвардия наполнилась блузниками; в зависимости от района в ней были буржуазные и пролетарские отряды.

По вопросу о выборах в Учредительное Собрание в самом Временном правительстве происходили раздоры: на одной стороне — социалисты, Луи Блан и Альбер, сочувствовавшие клубам и рабочим организациям, которые стояли за новую отсрочку выборов, с другой — буржуазная часть правительства, которая была бы рада, если бы в Учредительное Собрание попали не социалисты, а защитники собственности.

Буржуазное большинство Временного Правительства с самого начала своего существования позаботилось о том, чтобы создать себе вооруженную силу. Уже 28 февраля оно издает декрет об образовании 24 батальонов подвижной гвардии из добровольцев с поденной платой в 1,5 франка. В эти отряды, предназначенные для полицейской службы,

вступали преимущественно подростки и пролетарии-босьяки. Этим детей парижской улицы одели в красивые мундиры и научили их стрелять; им платили в шесть раз больше, чем солдатам; этих 20.000 юношей оторвали от родных предместий и дали им в руки оружие для защиты республики: они горели желанием показать, что они умеют драться.

В конце апреля, под предлогом военного смотра в Париж были стянуты регулярные войска. Французская армия в то время не состояла из людей всех классов, как теперь, при всеобщей воинской повинности; тогда срок службы был семилетний, в солдаты попадали по жребию, при чем состоятельные могли за деньги ставить вместо себя заместителей, которые в общем составляли половину всей армии. Благодаря долгому сроку службы солдаты были оторваны от своего класса; они находились под командой буржуазных офицеров и были ожесточены благодаря долгой службе в колониях.

Национальная гвардия, в которую с 1830 г. входили относительно обеспеченные люди, которые на свой счет могли обмундироваться и купить себе оружие, была после Февральской революции преобразована: как всякий взрослый мужчина мог избирать в Учредительное Собрание, так всякий мог поступать в Национальную гвардию (декрет 8 марта 1848 г.). Национальная гвардия наполнилась блузниками; в зависимости от района в ней были буржуазные и пролетарские отряды.

По вопросу о выборах в Учредительное Собрание в самом Временном Правительстве происходили раздоры: на одной стороне — социалисты, Луи Блан и Альбер, сочувствовавшие клубам и рабочим организациям, которые стояли за новую отсрочку выборов, с другой — буржуазная часть правительства, которая была бы рада, если бы в Учредительное Собрание попали не социалисты, а защитники собственности.

В Париже назревала катастрофа. Социалистические газеты обвиняли Временное правительство в том, что оно ничего не делало, чтобы реально улучшить положение рабочих. «Временное правительство не захотело, не сумело, не осмелилось. Оно растратило понапрасну два месяца революционной диктатуры», — писал Прудон. У клубов были смутные идеи социальных реформ; главное же — они хотели устранить буржуазную часть Временного правительства, а может быть, очистить состав его».

Представитель мелкой буржуазии, Ледрю-Роллен, как маятник, качался между обеими партиями, но когда он склонился на сторону собственников, клубы и рабочие организации оказались лишенными реальной силы.

На чьей стороне в этом конфликте будет национальная гвардия? Ока находилась в распоряжении Ледрю-Роллена, как министра внутренних дел. 6 апреля, когда рабочая манифестация шла к Временному правительству, которое боялось, что клубисты захватят власть и выкинут из правительства буржуазных его членов, Ледрю-Роллен созвал национальную гвардию. На улицах Парижа оказались две силы: рабочие и национальная гвардия, из буржуазных легионов которой раздавались крики: «Долой коммунистов!»

Временное Правительство осталось нетронутым и сложило власть только перед Учредительным Собранием, выборы в которое были отсрочены на две недели - срок слишком короткий, чтобы что-нибудь можно было сделать.

V. Учредительное собрание и Июньские дни

В Учредительное Собрание имели право выбирать все взрослые иужчияы, достигшие 21 года и прожившие 6 месяцев на одном месте. Вместо 250000 избирателей, крупных собственников при Июльской монархии, теперь было около 9 миллионов избирателей.

Начиная приблизительно с последней четверти XIX в., в Европе выборной агитацией занимаются политические партии: они выставляют программы, составляют списки кандидатов, устраивают предвыборные собрания и всячески стараются завербовать избирателей В 1848 г. во Франции место политических партий занимают клубы и газета; самая влиятельная буржуазная газета «Националь» организовала Центральный Комитет Избирателей республиканцев с отделениями в провинции и энергично распространяла списки своих кандидатов,

В Париже Люксембургская Комиссия выставляла свой рабочий список, из которого никто не был выбран. Провинция в большинстве своем сочувствовала собственникам и выбирала их кандидатов.

23 апреля состоялись выборы, в которых участвовало 7835327 человек — 84% общего числа избирателей; такой большой процент указывал на то, что население придавало большое значение Учредительному Собранию.

Все бывшие монархисты перекрасились в республиканцев; во время выборов большое влияние, особенно на крестьян, оказывали священники.

В Учредительное Собрание было избрано около 500 буржуазных республиканцев, около 300 республиканцев правых, бывших монархистов, и меньше 100 чел. социалистов-демократов. Многие думали, что при всеобщем голосовании в депутаты попадут простые люди из народа; в действительности оказалось, что выбраны были одни «господа». Больше всего было юристов - адвокатов, нотариусов, чиновников, всего 176 чел., затем шли землевладельцы - 100 чел., 19 ч. священников, из них 3 епископа и 1 монах. Альбер и Луи Блан прошли только потому, что были включены в список, рекомендованный Временным правительством.

Наш русский писатель Герцен, уехавший в 1847 г. самодержавной России в свободную Европу, был поражен тем, кого Франция послала в Учредительное Собрание.

Об Учредительном Собрании

Между тем в Париж наезжали со всех сторон представители. Народ и республиканцы, с негодованием и краснея до ушей, смотрели на эти ограниченные лица, на эти скупые глаза

собственников, на эти черты, искаженные любовью к барышу и к порядку, на жирные носы и узкие лбы провинциалов-стяжателей, шедших теперь, перед лицом мира, устраивать судьбы Франции, создавать республику, имея мериллом аршин лавочника и разновес бакалейного торговца. И вы отдали будущность вашей прекрасной Франции им, вы их до пустили, вы позволили им, — несите же горький плод!

Герцен. Письма из Франции и Италии.
Собр. соч. в изд. Павленкова, т.7, стр.132.

Временное Правительство сложило свою власть перед Учредительным Собранием. Чтобы выкинуть из правительства Луи Блана и Альбера, оно вместо Временного Правительства учредило Исполнительную Комиссию из пяти членов. Ламартин, только угрожая собственным уходом, добился того, что в нее был включен вождь мелкой буржуазии Ледрю-Роллен, который казался собранию слишком революционным.

Министерство Труда, предложенное Луи Бланом, было отвергнуто; его проект экономических преобразований Собрание даже не стало обсуждать.

Вот что писал об этом Маркс:

Об Учредительном Собрании

Провозглашенная Национальным (Учредительным) Собранием республика — это республика, которая представляет не революционное оружие против буржуазного строя... а скорее политическое закрепление буржуазного общества — буржуазную республику...

В Национальном Собрании вся Франция явилась для суда над парижским пролетариатом... Февральская республика была завоевана рабочими при пассивном содействии буржуазии. Пролетарии с полным правом видели в себе февральских победителей и предьявляли высокомерные притязания победителей. Их необходимо победить на улице, им следует показать, что их победят, как только они станут сражаться не вместе с буржуазией, а против буржуазии... С оружием в руках должна была буржуазия отвергнуть требования

Маркс. Борьба классов. Стр. 43.

Каково же настроение в самом Париже?

Токвиль, от всей души желавший поражения парижских революционеров и социалистов, указывает на то, что схватка неминуема.

Пролетариат и буржуазия перед битвой

Что было действительно ужасно, так это внешний вид Парижа... Я нашел в этом городе 100.000 вооруженных рабочих, из которых были организованы военные отряды (рабочие националь-

ных мастерских). Они остались без работы и умирали с голода... Я нашел общество разделенным надвое: на тех, которые ничего не имели и на тех, которые имели какую-нибудь собственность и были связаны между собой общим страхом. Между этими двумя классами не было ничего общего... Все были заняты мыслью о борьбе, которая казалась неизбежной в скором времени... Испуганная впала в мрачное отчаяние, которое мало-помалу стало уступать место мужеству.

Я постоянно был того мнения, что нет возможности урегулировать развитие Февральской революции мирным путем и что оно может быть остановлено не иначе как посредством решительной битвы на парижских улицах. Я утверждал это еще на другой день после 24 февраля. Все, что я тогда видел, приводило меня к убеждению, что такая битва не только была неизбежна, но что она должна произойти очень скоро и что было бы желательно воспользоваться первым удобным случаем, чтобы начать ее.

Токвиль, Воспоминания. Стр.111-112.

16 мая, под предводительством таких вождей как Барбес и Бланки, революционная толпа, состоящая из членов клубов, рабочих Люксембурга и национальных мастерских, завладела Учредительным Собранием, объявила его распущенным и, как 24 февраля, отправилась в ратушу для провозглашения нового Временного Правительства, в которое были включены Луи Блан, Барбес, Бланки, Распайль и другие. Но национальная гвардия пришла на помощь собственникам. Она заняла здание парламента и так избила Луи Блана, не причастного к восстанию, что он едва спасся. Вожди восстания Барбес, Альбер, затем Бланки, были арестованы.

Учредительное Собрание решило, что настало время покончить со всеми уступками, сделанными рабочему классу. Рабочие вожди сидели в тюрьме. Люксембургскую комиссию распустили, очередь была за национальными мастерскими.

О национальных мастерских

Национальные мастерски, если не по своему содержанию, то по названию были воплощенным протестом пролетариата против буржуазной промышленности, буржуазного кредита и буржуазной республики. Потому-то на них и обрушилась вся ненависть буржуазии. В то же время она увидела в них тот пункт, на который можно было открыть нападение, едва лишь она почувствовала себя окрепшей настолько, чтобы открыто порвать с февральскими иллюзиями. Все недовольство, вся досада мелких буржуа тоже направилась на эту общую мишень, на национальные мастерские. С неподдельной яростью высчитывали они суммы, пожирившиеся пролетариями-дармоедами, в то самое время как их собственное положение с каждым днем становилось невыносимее. «Государственная пенсия за мнимую работу — вот что такое социа-

лизм!» — ворчали они про себя. Национальные мастерские, декламации Люксембурга, шествия рабочих через Париж — во всем они открывали причину своей нищеты. И никто с таким фанатизмом не восставал против мнимых махинаций коммунистов, как мелкий буржуа, который без надежды на спасение висел над пучиной банкротства...

Пролетариат ускорил решение, когда он, ворвавшись 15-го мая в Национальное Собрание, сделал безуспешную попытку вернуть свое революционное влияние и только отдал своих энергичных вождей в руки тюремщиков буржуазии. Надо покончить! С этим положением надо покончить! В этом возгласе выразилось решение Национального Собрания довести пролетариат до решительного столкновения. Исполнительная комиссия издала ряд вызывающих декретов, как например, воспрещение скопищ народа и т.д. С трибуны Учредительного Национального Собрания открыто провоцировали, бесчестили, осмеивали рабочих. Но Центральным пунктом для нападения, как мы видели, послужили национальные мастерские.

Маркс. Борьба классов во Франции в 1848-1850 г. Стр. 39 и 43.

В национальных мастерских к 1-му мая было 100000 чел и они стоили 170.000 франков в день. Гудшо, в интересах делового мира говорил в Учредительном Собрании июня: Прежде чем организовать труд, надо его восстановить. Рабочим сказали: «Скрестите руки, не возвращайтесь в свои мастерские, они опустеют, мы их экспроприруем и отдадим вам. Необходимо, чтобы национальные мастерские исчезли с лица земли, вы понимаете, исчезли, а не только сократились!»

Рабочие национальных мастерских начали в это время сблизиться с красными социалистическими рабочими Люксембурга.

21 июня был опубликован декрет Учредительного Собрания, по которому все холостые рабочие национальных мастерских в возрасте от 18—25 л. должны поступить в солдаты, остальные же безработные будут принудительно отправлены в провинцию на земляные работы.

22 утром около 15.000 рабочих со знаменем в руках отправились за разъяснениями к правительству. Это были рядовые рабочие без вождей, среди них не было ни одного известного правительству имени.

Представитель правительства Мари сказал рабочей делегации: «Если рабочие не согласятся выехать из Парижа, мы их выкинем силой!»

Рабочие были возмущены таким приемом. На улицах появляются толпы с криками. «Хлеба или свинца!»

23 июня, в шесть часов утра, громадная рабочая толпа собирается на площади Бастилии. Все рабочие опускаются на колени, чтобы почтить память погибших борцов революции, и встают с криками: «Свобода или смерть!» Восстание началось.

В руках рабочих оказалась почти половина города; в узких старинных улицах легко было строить баррикады; дома, населенные рабочими семьями, революционеры могли использовать для прикрытия

во время стрельбы. Большинство рабочих служило в национальной гвардии и имело ружья; среди них было много отставных солдат, выборные офицеры национальной гвардии из рабочих приняли на себя командование. Национальная гвардия разделилась соответственно своему классовому составу: блузники сражались по одну сторону баррикады, а национальные гвардейцы из буржуазных кварталов обстреливали их с другой стороны баррикады. Начался ожесточенный классовый бой.

Когда 23-го утром представитель правительства Араго явился уговаривать восставших, они ответили ему: «Ах, мосье Араго, вы видно никогда не голодали!» Восставшие требовали роспуска Учредительного Собрания и восстановления национальных мастерских. На следующее утро, когда войском не удалось выбить восставших из их позиций, Учредительное Собрание - это собрание осерчалых лавочников, как называет его Герцен, - под влиянием буржуазных республиканцев провозгласило осадное положение и назначило генерала Кавеньяка диктатором. Наступило время диктатуры, начавшейся по горло в крови, и продолжавшейся по горло в позоре» (Герцен).

Только после трехдневных боев восставшие сдались войскам. «Порядок победил анархию! Да здравствует республика!» — так было объявлено по телеграфу всей Франции.

В результате боев со стороны солдат и полицейских было 800 убитых и 2.000 с лишком раненых. Со стороны рабочих погибло свыше 5.000 чел.

Русский социалист Герцен был в Париже во время Июньских дней и оставил потрясающее описание их:

После грозы

Женщины плачут, чтобы облегчить душу, мы не умеем плакать. Взамен слез я хочу писать — не для того, чтобы описывать, объяснять кровавые события, а просто, чтобы говорить об них, дать волю речи, слезам, мысли, желчи. Где тут описывать, собирать сведения, обсуждать! В ушах еще раздаются выстрелы, топот несущейся кавалерии, тяжелый густой звук лафетных колес по мертвым улицам; в памяти мелькают отдельные подробности: раненый на носилках держит рукой бок и несколько капель крови течет по ней; омнибусы, наполненные трупами, пленные с связанными руками, пушки на площади Бастилии, лагерь у ворот Сен-Дени, на Елисейских полях и мрачный, ночной окрик часового: «берегись!» Какие тут описания. Мозг слишком воспален, кровь слишком остра!

Сидеть у себя в комнате, сложа руки, не иметь возможности выйти за ворота и слышать возле, Ругом, вблизи, вдали выстрелы, канонаду, крики, барабанный бой и знать, что возле льется кровь, режут, колют, что возле умирают, от этого можно сойти с ума. Я не умер, но я состарился, я оправляюсь после июньских дней, как от тяжелой болезни.

А торжественно начались они! Двадцать третьего числа часа в четыре перед обедом, шел я берегом Сены к ратуше, лавки

запирались колонны национальной гвардии с зловещими лицами шли по разным направлениям, небо было покрыто тучами, шел дождик. Я остановился на Новом мосту, сильная молния сверкнула из-за тучи, удары грома следовали друг за другом и середь всего этого раздался мерный, тяжелый звук набата с колокольни св.Сулпиция, которым еще раз обманутый пролетарий звал своих братьев к оружию. Собор и все здания на берегу были необыкновенно освещены несколькими лучами солнца, ярко выходящими из-под тучи, барабан раздавался с разных сторон, артиллерия тянулась с Карусельской площади.

Я слушал гром набата и не мог насмотреться на панораму Парижа, будто я с ним прощался: я страстно любил Париж в эту минуту, это была последняя дань великому городу — после июньских дней я его возненавидел.

С другой стороны реки, на всех переулках и улицах, строились баррикады. Я, как теперь, вижу эти сумрачные лица, таскавшие камни; дети, женщины помогали им. На одну баррикаду, повидимому, оконченную, взошел молодой человек — студент, водрузил знамя и запел тихим, печально торжественным голосом Марсельезу. Все работавшие запели, и хор этой песни, раздавшийся из-за камней баррикад, захватывал душу. Набат все раздавался. Между тем помосту простучала артиллерия и генерал Бедо осматривал с моста в трубу неприятельскую позицию.

Ну что вы скажете, любезный князь Радецкий и сиятельный граф Паскевич-Эриванский? Вы не годитесь в помощники Кавеньяку. Меттерних и все члены третьего отделения собственной канцелярии — дети кротости, простачки в сравнении с собранием осерчалых лавочников.

Вечером 26 июня мы услышали, после победы Националя над Парижем, правильные залпы, с небольшими расстановками... Мы все взглянули друг на друга, у всех лица были зеленые...

«Ведь это расстреливают?» - сказали мы в один голос и отвернулись друг от друга. Я прижал лоб к стеклу окна...

После бойни, продолжавшейся четверо суток, наступила тишина и мир осадного положения. Улицы были еще оцеплены, редко, редко где-нибудь встречался экипаж; надменная национальная гвардия, со свирепой и тупой злобой на лице, берегла свои лавки, грозя штыком и прикладом; ликующие толпы пьяной мобили (подвижной гвардии) ходили по бульварам, распевая: «Умереть за отечество»; мальчишки 16-17 лет хвастались кровью своих братии, запекшейся на их руках, на них бросали

* Радецкий австрийский фельдмаршал, усмирявший революцию в Италии в 1849 г.

Паскевич-Эриванский, русский фельдмаршал, известный усмиритель восстания в Польше в 1831 г. и Венгерской революции 1849 г.

Меттерних, австрийский дипломат и министр, который в течение 40 лет боролся со всяким проявлением революционно духа в Европе.

цветы мешанки, выбегавшие из-за прилавка, чтоб приветствовать победителей. Кавеньяк возил с собою в коляске какого-то изверга, убившего десятки французов. Буржуазия торжествовала. А дома предместья св.Антония еще дымились, стены, разбитые ядрами, обваливались; раскрыта» внутренность комнат представляла каменные раны, сломанная мебель тлела, куски разбитых зеркал мерцали... А где же хозяева, жильцы? О них никто и не думал... Местами посыпали песком, но кровь все-таки выступала... К Пантеону, разбитому ядрами, не подпускали, по бульварам стояли палатки, лошади глодали береженные деревья Елисейских полей, на площади Согласия везде было сено кирассирские латы, седла, в Тюльерийском саду солдаты у решетки варили суп. Париж этого не видал и в 1814 году.

Париж, 24 июля 1848 г.

Герцен. С того берега.

Собр.соч. в изд. Павленкова, т.7, стр.191-193.

Для того, чтобы уяснить себе смысл кровавых Июньских дней, надо ясно представить себе классовые соотношения того времени.

Вот что писал об этом В.И.Ленин:

Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки

Вспомним классовую роль Кавеньяка. В феврале 1848 года монархия была свергнута во Франции. Буржуазные республиканцы у власти. Они так же, как и наши кадеты¹, хотят «порядка», называя этим восстановление и упрочение монархических орудий угнетения масс: полиции, постоянной армии, привилегированного чиновничества. Они, так же, как наши кадеты, хотят положить конец революции, ненавидя революционный пролетариат, с его еще очень неясными тогда «социальными», т.-е. социалистическими, стремлениями. Они, так же, как наши кадеты, относились с беспощадной враждебностью к политике перенесения французской революции на всю Европу, к политике превращения ее в мировую пролетарскую революцию. Они, так же, как наши кадеты, использовали искусно мелко-буржуазный «социализм» Луи Блана, взяв его в министры, превратив его из вождя социалистических рабочих, каким он хотел быть, в придаток, прихвостень буржуазии.

Таковы были классовые интересы, позиция и политика господствующего класса.

Другой основной общественной силой была мелкая буржуазия, колеблющаяся, запуганная красным призраком, поддававшаяся крикам против «анархистов». В своих стремлениях мечтательно и фразисто-«социалистических», охотно называвшая себя

«социалистической демократией», мелкая буржуазия боялась довериться руководству революционного пролетариата, не понимая, что эта боязнь осуждает ее на доверие к буржуазии. Ибо в обществе ожесточенной классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, особенно при неизбежном обострении этой борьбы революцией, не может быть «средней» линии. А вся суть в том, чтобы хотеть невозможного, стремиться к невозможному, т.-е. как раз к такой «средней линии».

Третьей решающей классовой силой был пролетариат, который стремился не к «примирению» с буржуазией, а к победе над ней, к безбоязненному развитию революции вперед и притом в международном масштабе.

Вот какова была объективная историческая почва, породившая Кавеньяка. Колебания мелкой буржуазии «отстранили» ее от роли активного деятеля, и, воспользовавшись ее боязнью довериться пролетариатом, французский кадет, генерал Кавеньяк, пошел на разоружение парижских рабочих, на массовый расстрел их.

Революция кончилась этим историческим расстрелом, мелкая буржуазия, численно преобладавшая, была и оставалась политически бессильным хвостом буржуазии, и через три года во Франции была опять восстановлена цезаристская монархия в особенно гнусной форме.

Было бы болото, а черти найдутся. Была бы шаткая, колеблющаяся, боящаяся развития революции мелкая буржуазия – появление Кавеньяков обеспечено.

В России много теперь (в 1917 г.) такого, что отличает нашу революцию от французской революции 1848 года: империалистическая война, соседство более передовых (а не более отсталых, как у Франции тогда) стран, аграрное и национальное движение. Но все то может изменить лишь форму выступления Кавеньяков, момент, внешние поводы и т.п. Сути дела все это изменить не может, ибо суть заключается во взаимоотношении классов.

На словах и Луи Блан был, как небо от земли, далек от Кавеньяка. Обещаний «бороться в одних рядах» вместе с революционными рабочими против буржуазных контр-революционеров и Луи Блан давал бесчисленное множество. И в то же время ни один историк-марксист, ни один социалист не посмеет усомниться в том, что именно слабость, шаткость, доверчивость к буржуазии со стороны Луи Блана родили Кавеньяка, дали ему успех.

*Опублик. в «Правде», № 83, 16/VI-1917,
или собр. соч., т.XIV, ч.1, стр.271–274.*

Кто же защищал Учредительное Собрание? Выясните этот вопрос по отрывку из воспоминаний Токвиля.

¹ Кадеты - конституционно-демократическая партия образовавшаяся после 1905 г., которая представляла интересы русских либералов: помещиков, промышленников и лиц свободных профессий.

Кто защищал собственность в Июньские дни

По всем дорогам, которые не были во власти мятежников, вступали в город тысячи людей, спешивших к нам на помощь со всех концов Франции.

Благодаря железным дорогам они даже приезжали областей, отстоявших от Парижа на пятьдесят миль, несмотря на то, что борьба началась только накануне вечером. На другой день и в следующие дни они приезжали из местностей, отделенных от Парижа расстоянием в его в двести миль. Эти люди принадлежали ко всяким классам, населения, между ними были и крестьяне, и буржуа, и крупные землевладельцы, и аристократы, они не были хорошо вооружены, но они устремлялись внутрь Парижа с удивительным пылом; летописях наших революций это было такое же странное и новое явление, как и само восстание парижских рабочих. С той минуты стало очевидно, что победа останется за нами, потому что мятежники не получали никаких подкреплений, а для нас служила резервом вся Франция.

Токвиль. Воспоминания. Стр. 173.

Современники по разному оценивали Июньские дни Герцена, спешившего в свободную Францию из самодержавной николаевской России; жестокий классовый бой между буржуазией и пролетариатом в самой революционной стране Европы оттолкнул его от европейской цивилизации: он стал строить свой социализм не на рабочем движении Запада, а на русской крестьянской общине.

Токвиль, всецело стоявший на стороне буржуазии, с надеждой ожидавший столкновения, был удовлетворен его результатами: «Июньские дни – неизбежные и пагубные, не погасили во Франции пламя революционных страстей, но, по крайней некоторое время прекратили распространение тех идей которые были главными виновниками революции. Они освободили нацию от господства парижских рабочих и возвратили ей возможность распоряжаться ее судьбой» (Воспоминания, стр.188).

Наконец, Маркс приветствует Июньские дни, как первое самостоятельное выступление пролетариата:

О значении Июньских дней

После декрета о роспуске национальных мастерских – рабочим не оставалось выбора, они должны погибать от голода или выступить, 22 июня они ответили грандиозным восстанием, – первой великой битвой между двумя классами, раскалывающими современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение буржуазного строя. Покрывало, скрывавшее республику, было разорвано.

Известно, как рабочие с беспримерным мужеством и

гениальностью, без вождей, без общего плана, без средств, по большей части без оружия, в продолжение пяти дней боролись против армии, летучей гвардии, парижской национальной гвардии и против национальной гвардии, нахлынувшей из провинции. Известно, как буржуазия неслыханным зверством вознаградила себя за испытанный ею смертельный страх перебила более 3.000 пленных.

Блестящие искры Ламартина превратились в бомбы Кавеньяка, братство противоположных классов, из которых один эксплуатирует другой, это братство, возвещенное в феврале и крупными буквами написанное на челе Парижа, на каждой тюрьме, на каждой казарме, в его истинном неподдельном, в его прозаическом выражении есть не что иное, как гражданская война, – гражданская война в ее ужаснейшей форме, война труда и капитала. Это братство пылало перед всеми окнами Парижа вечером 25-го июня, когда Париж буржуа иллюминирован, в то самое время, как Па-пролетариата сгорал, истекал кровью, исходил стонами. Братство продолжалось лишь до тех пор, пока интересы буржуазии братались с интересами

Февральская революция была красивая революция - революция общих симпатий, потому что противоречия, которые выразились в ней, как? борьба против Июльской монархии, оставались еще в неразвитом состоянии и мирно дремали одно возле другого; Июньская революция, некрасивая революция, отталкивающая революция, потому что на место фразы выступило дело, потому что республика обнажила главу чудовища, сбив с него защищавшую и прикрывавшую его корону. Порядок! – кричит Кавеньяк, грубое эхо французского национального собрания и республиканской буржуазии. Порядок! – гремела его картечь, разрывая тело пролетариата. Ни одна из многочисленных революций французской буржуазии с 1789 г. не была покушением на порядок, потому что все они оставляли неприкосновенным господства класса, все они оставляли рабство рабочего, все они оставляли неприкосновенным буржуазный строй как бы ни изменялись политические формы этого господства и этого рабства. Июнь посягнул на этот порядок. Горе Июню!

Буржуазия принудила парижский пролетариат к Июньскому восстанию. Уже это осуждало его не неудачу. Ни непосредственно созданные потребности не побуждали его к борьбе с целью насильственного ниспровержения буржуазии, ни сам он не вырос достаточно для этой задачи. «Монитор» официально разъяснил пролетариату, что прошло то время, когда республике приходилось почтительно относиться к его иллюзиям, а понесенное им поражение впервые убедило его в той истине, что даже самое ничтожное улучшение его положения в рамках буржуазной республики остается утопией, – утопией, которая превращается в преступление при первой же попытке воплотиться в

действительность. На место его высокопарных по форме, но мелких и все еще буржуазных по содержанию требований, к удовлетворению которых он хотел принудить февральскую республику выступает смелый революционный боевой пароль: Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!

Маркс. Борьба классов. Стр.44–46.

После июньской битвы число арестованных превышало 15.000 ч. Тюрьмы не могли вместить всех заключенных. Часть арестованных заперли в подвалах Тюльерийского дворца, и когда они приближались к окошкам, часовые стреляли в них. Стража обращалась с заключенными, как с преступниками.

Около 6.000 ч. освободили, а свыше 4.000 ч. было сослано без суда, как враги, которые объявили войну обществу.

Один журналист писал: «Мы вновь подпали под деспотическую власть сабли. Все свободы приостановлены!» Он был арестован.

Еще до окончания боев, правительство Кавеньяка закрыло «опасные» клубы и конфисковало 11 газет. Надо было зажать рот печати и оставить свободу только тем газетам, которые защищают буржуазию. Не прошло и пяти месяцев со времени провозглашения полной свободы, печати, а уже вернулись к тому порядку, который существовал при Июльской монархии: для того, чтобы издавать газету, надо вносить залог, при чем размер его для Парижа равнялся 24.000 франков. Это значило уничтожить дешевую рабочую газету. Ламеннэ, редактор одной газеты, защищавшей интересы рабочих, закрыл ее, заявив в печати: «Только золото, много золота дает право говорить. Мы недостаточно богаты. Молчание беднякам!»

Национальные мастерские были распущены 3 июля и всякая помощь рабочим прекращена. Общий расход на национальные мастерские равнялся 14,5 мил. франков.

Национальная гвардия была обезврежена. Отряды из возмущившихся кварталов были распущены, отряды, не явившиеся на сбор 22 июня, были обезоружены; сохранились, таким образом, только отряды из богатых кварталов.

Большинство народных вождей (Барбес, Бланки, Распайль) сидели в тюрьме за попытку разогнать Учредительное Собрание 15 мая. Надо было расправиться с оставшимися на свободе. Против Луи Блана был возбужден судебный процесс и он до суда эмигрировал в Англию.

Париж после Июня

Бедный героический народ все на жертву принес в июньские дни и все утратил; он хочет залечить раны, оплакать жертвы и заработать кусок хлеба.

Если бы вы видели, какой он стал грустный, печальный после июньских дней. По улицам ходите страшно: там, где кипела жизнь, где громкая марсельеза раздавалась среди других песней с утра до ночи, там теперь тишина: разносчик газет не смеет кричать,

бедный блузник сидит перед дверью пригорюнившись, женщина в слезах возле него, они разговаривают вполслуха, осматриваясь. К ночи все исчезает, улица пуста, и мрачный патруль подозрительно обходит свой квартал с заряженными ружьями; блуза почти исчезла на бульварах, национальная гвардия пыталась ее не пускать в Тюльерийский (дворцовый) сад, как это было при Луи-Филиппе. Народ терпит – он побежден и знает своего победителя; он знает, что мещанин ни перед чем не остановится, что казаки в сравнении с буржуазией агнцы кротости, когда она победоносна, когда она защищает права капитала, неприкосновенность собственности. Народ терпит, но в душе его собирается мрачная злоба.

Герцен. Сочин. т.VII.

Письма из Франции и Италии, письмо десятое.

1 сентября 1848 г., стр.116.

VI. Конституция 1848 г. и Луи-Наполеон Бонапарт

Расправившись с рабочим классом и революционерами, Учредительное Собрание принялось за свои очередные дела.

В первую голову были уничтожены все уступки сделанные рабочим после Февральской революции: декрет о десятичасовом рабочем дне был отменен, и продолжительность рабочего дня для Парижа была установлена в 12 часов. Право на труд было отменено, и все попытки провести в законе какие-либо меры в пользу рабочих были отвергнуты Собранием. Царствовала буржуазная республика вместо социальной. Конституций, выработанная Учредительным Собранием, была торжественно провозглашена 4 ноября. Она закрепляла в законе то, что уже было осуществлено Февральской революцией. Законодательная власть должна была принадлежать одной палате из 750 ч., избираемой на 3 года на основе всеобщего избирательного права. Исполнительная власть, которую фактически осуществлял после июня диктатор Кавеньяк, передавалась президенту, избранному также на основе всеобщего избирательного права. При обсуждении этого вопроса, многие указывали, что получение президентом его власти непосредственно от народа представляет опасность в том случае, если президент вздумает учинить государственный переворот.

Противоречия конституции 1848 г.

С одной стороны, 750 народных представителей, избранных всеобщим голосованием и пользующихся правом переизбрания, составляют неконтролируемое, нераспускаемое, неделимое Национальное Собрание, которое пользуется законодательным всемогуществом, в последней инстанции решает вопросы о войне, мире и торговых договорах, одно только имеет право амнистии; с другой стороны - президент, снабженный всеми атрибутами королевской власти, уполномоченный назначать и сменять министров, независимо от Национального Собрания, располагающий всеми

средствами исполнительной власти, раздающий все должности и, следовательно, держащий в своих руках судьбу 1 миллиона людей, живущих во Франции... За ним стоят и вся вооруженная сила и национальная гвардия... Ему же предоставлена инициатива и подготовка всех договоров с иностранными державами... При избрании Национального Собрания голоса Франции рассеиваются между 750 членами, между тем, в данном случае (т.е. при избрании президента) они сосредоточиваются на одном индивидууме. Он избранник всей нации, и акт его избрания есть козырь, который суверенный (всемогущий) народ пускает в ход один раз в 4 года...

Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.
Изд. «Красная Новь», 1923 г. Стр.24–25.

На 10-ое декабря были назначены выборы президента. Господствующие в Учредительном Собрании умеренные буржуазные республиканцы выставили кандидатуру Кавеньяка, который был фактической главой исполнительной власти, но за него было подано всего полтора миллиона голосов.

Мелко-буржуазные группы, объединившись под лозунгом: «Мирное и постепенное развитие социальных реформ, как следствие реформ политических», выставили кандидатуру Ледрю-Роллена, которая собрала 370 тысяч голосов.

Революционные социалисты отмежевались от социалистов-демократов, потому что те, по их словам, отказались «провозгласить немедленную войну лиге королей, подчинению труда капиталу», и выставили кандидатуру Распайля, который в это время сидел в тюрьме за восстание 15-го мая. Он получил 36 тысяч голосов.

Особняком стояла кандидатура принца Луи-Наполеона Бонапарта (1808–1873). Племянник Наполеона I он с юных лет стремился к заветной цели – сделаться императором Франции. В 1836 г. он делает безрассудную попытку захватить власть путем военного заговора, за что он был арестован, затем выслан в Америку. В 1840 г. новая попытка поднять восстание приводит его к пожизненному заключению в крепости, откуда ему через 6 лет удается бежать, переодевшись рабочим. В 1848 г. он поспешил во Францию, но. Временное Правительство потребовало его отъезда. Избранный депутатом в Учредительное Собрание, он возвращается во Францию и выставляет свою кандидатуру в президенты французской республики, при чем он не опирался ни на одну партию, Тьер от лица правых республиканцев обещал ему поддержку и впоследствии признавался, что он совершил грубую ошибку. Луи-Наполеон получил около 6 миллионов голосов или около 75% всех голосовавших подавали голоса за него.

Кто же выбрал его? Прочтите об этом у Маркса.

Об избрании Луи-Наполеона президентом

10 декабря 1848 г. было днем восстания крестьян. Только с этого дня начинается Февраль для французских крестьян. Республика возвестила о себе этому классу сборщиком податей; он возвестил о себе республике императором. Наполеон был единственным человеком, который исчерпывающе представлял все интересы и все фантазии новоизданного в 1789 г. крестьянского класса... Наполеон – это было для крестьян не лицо, а программа. Со знаменами, с музыкой и барабанным боем отправились они к месту выборов, восклицая: «Нет больше налогов, долой богатых, долой республику! Да здравствует император!» За императором скрывалась крестьянская война. Республика, ими забаллотированная, это была республика богатых.

Остальные классы содействовали полноте избирательной победы крестьян. Избрание Наполеона – это было для пролетариата смещение Кавеньяка, падение Учредительного Собрания, отставка буржуазного республиканизма, отмена июньской победы. Для большинства крупной буржуазии избрание Наполеона было: монархия вместо республики. Наконец, армия, голосуя за Наполеона, голосовала против подвижной гвардии, против мира за войну.

Маркс. Классовая борьба. Стр. 59–60.

Учредительное Собрание разошлось 26 мая 1849 г., предоставив место Законодательному Собранию, в котором главную роль играла та самая финансовая аристократия, наиболее сильная экономически, господство которой пыталась свергнуть Февральская революция. Мелкая буржуазия, не поддерживавшая рабочих в Июньские дни, оказалась одна бессильной против крупной буржуазии. Партия порядка, состоящая из бывших монархистов, пережившихся в республиканцев, диктовала законы и назначала министров. Единственное оставшееся нетронутым завоевание Февральской революции – всеобщее право, она отменила: закон 31 мая 1850 г. давал избирательное право только тем лицам, которые 3 года прожили в одном и том же кантоне (небольшом округе). Из числа избирателей исключались люди, осужденные по политическому делу (за издание газеты, за участие в клубе и т.п.). Число избирателей с 9.618.057 ч. по официальным спискам сократилось до 6.809.281 ч., т.е. на 3 миллиона, падающих преимущественно на городских рабочих, по роду занятий не имеющих столь длительной оседлости.

Таким образом, завоевания Февральской революции все были уничтожены. Оставалась нетронутой только республиканская оболочка, за которой; укрывались монархисты-консерваторы. Луи-Наполеон разбил эту оболочку.

В мае 1852 г. истек срок его президентства и, согласно конституции, он не мог быть переизбран. 2 декабря 1851 г. он совершил военный переворот, разогнал Законодательное Собрание, арестовал наиболее влиятельных депутатов, восстановил всеобщее избирательное право: по новой конституции, объявленной Наполеоном, во главе Франции стоит президент, назначаемый на 10 лет — конечно, сама Наполеон.

Через год, 2 декабря 1852 г., Наполеон провозгласил себя императором. Вторая Республика уступила место Второй Империи.